

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
YEREVAN STATE UNIVERSITY

ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՌՈՒՍ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ

ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

BULLETIN OF YEREVAN UNIVERSITY
RUSSIAN PHILOLOGY

№ 2(27)
2025

Журнал «Вестник Ереванского университета. Русская филология» выходит два раза в год. Издается с 2015 года. Правопреемник издававшегося в 1967-2009 гг. журнала "Вестник Ереванского университета". «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Ռուս բանասիրություն» հանդեսը լույս է տեսնում տարեկան երկու անգամ: Հրատարակվում է 2015 թվականից: Իրավահաջորդն է 1967-2009 թթ. հրատարակված «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի:

Three issues of "Bulletin of Yerevan University. Russian Philology" are published twice a year. The journal has been published since 2015. It is the successor of "Journal of Yerevan University" published in 1967-2009.

Редакционная коллегия:
Խմբագրական խորհուրդ.
Editorial Board:

Главный редактор:

Գլխավոր խմբագիր՝

Editor-in-chief:

Акопян Левон (к.фил.н., доц.,
levon.hakobyan@ysu.am)

Հակոբյան Լևոն (բ.գ.թ., դոց.)

Hakobyan Levon (PhD in Philology,
Associate Professor)

Аршакян Эдгар (к.фил.н.,
edgar.arshakyan@ysu.am)

Արշակյան Էդգար (բ.գ.թ.)

Arshakyan Edgar (PhD in Philology)

Балаян Павел (к.пед.н., доц.,
pavel.balayan@ysu.am)

Բալայան Պավել (բ.գ.դ., դոց.)

Balayan Pavel (PhD. in Pedagogy, Associate
Professor)

Газарова Диана (к.фил.н., доц.,
dgazarova@ysu.am)

Գազարովա Դիանա (բ.գ.թ., դոց.)

Gazarova Diana (PhD in Philology,
Associate Professor)

Денисенко Владимир (д.фил.н., проф.,
РФ, denisenko@mail.ru)

Դենիսենկո Վլադիմիր (բ.գ.դ., պրոֆ., ՌԴ)

Denisenko Vladimir (Sc. D. in Philology,
Professor RF)

Дэвидсон Дэн (PhD, проф., США, вице-
президент МАПРЯЛ)

Դեյվիդսոն Դեն (PhD, պրոֆ., ԱՄՆ,
МАПРЯЛ-ի փոխնախագահ)

Davidson Dan (PhD in Philology, Professor,
USA, Vice President of IATRLL)

Джанполадян Магдалина (д.фил.н.,
проф., *m-poladyan@mail.ru*)

Ջանփոլադյան Մագդալինա (բ.գ.դ., պրոֆ.)

Janpoladyan Magdalina (Sc. D. in Philology,
Professor)

Евдокимова Светлана (PhD, проф., США,
svetlana_evdokimova@brown.edu)

Եվդոկիմովա Սվետլանա (PhD, պրոֆ.,
ԱՄՆ)

Evdokimova Svetlana (PhD in Philology,
Professor, USA)

Лалаян Сусанна (к.фил.н.,

доц., *susanna.lalayan@ysu.am*)

Լալայան Սուսաննա (բ.գ.թ., դոց.)

Lalayan Susanna (PhD in Philology,
Associate Professor)

Люцканов Йордан (PhD, доц., Болгария,
yljuckanov@gmail.com)

Լյուցկանով Գորդան (PhD, դոց., Բուլղարիա)

Lyutskanov Yordan (PhD in Philology,
Associate Professor, Bulgaria)

Матевосян Лианна (д.фил.н., проф.,
lianna.matevosyan@ysu.am)

Մատեվոսյան Լիաննա (բ.գ.դ., պրոֆ.)

Matevosyan Lianna (Sc. D. in Philology,
Professor)

Мхитарян Карине (к.фил.н., доц.,
karine.mkhitaryan@ysu.am)

Մխիթարյան Կարինե (բ.գ.թ., դոց.)

Mkhitaryan Karine (PhD in Philology,
Associate Professor)

Перотто Моника (PhD, доц., Италия,
monica.perotto@unibo.it)

Պերոտտո Մոնիկա (PhD, դոց., Իտալիա)

Perotto Monica (PhD in Philology,
Associate Professor, Italy)

Стергеяпулу Элени (PhD, проф.,

Греция, *elsterg@slavstud.uoa.gr*)

Ստերցյապուլու Էլենի (PhD, պրոֆ.,
Հունաստան)

Stergiopoulou Eleni (PhD in Philology,
Professor, Greece)

© Բանբեր Երևանի համալսարանի * Вестник Ереванского университета * Bulletin of Yerevan University

СОДЕРЖАНИЕ * CONTENTS

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LITERARY CRITICISM

- Эдгар Аршакаян* – От декадентского эстетизма к религиозно-мистической диалектике: аксиология раннего русского символизма 4
Edgar Arshakyan – From Decadent Aestheticism to Religious-Mystical Dialectics: The Axiology of Early Russian Symbolism

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

- Диана Газарова* – Референциальная специфика определительных местоимений *иной, другой*.....16
Diana Gazarova – Referential Specificity of the Definite Pronouns *иной* and *другой*
- Рузан Грдзелян* – К вопросу о типологическом описании межъязыковых синонимов: «русское» слово *патриот* (значение и смыслы в зеркале армянских соответствий) 24
Rouzan Grdzelyan – On the Question of Typological Description of Interlinguistic Synonyms "Russian" Word *Patriot*: Meaning and Sense in the Mirror of Armenian Lexikal Matchings
- Лилит Золян* – Современные процессы терминологизации и детерминологизации в контексте развития цифровых технологий 40
Lilit Zolyan – Modern Processes of Terminologization and Determinologization in the Context of Digital Technology Development
- Анна Хизанцяян* – Исторический комментарий фразеологизмов с компонентом «война» 51
Anna Khizantsyan – Historical Commentary on Idioms Containing the Word ‘War’

ОТ ДЕКАДЕНТСКОГО ЭСТЕТИЗМА К РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКЕ: АКСИОЛОГИЯ РАННЕГО РУССКОГО СИМВОЛИЗМА

ЭДГАР АРШАКЯН *

Ереванский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие художественной разработки мотива добра и зла в поэзии раннего русского символизма. Анализируются основные аксиологические модели, характерные для «декадентского» («диаволического») этапа символизма, связанного с эстетизацией и релятивизацией этических категорий, а также последующая тенденция к их религиозно-мистическому переосмыслению. Материалом исследования служат поэтические тексты В. Брюсова, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Н. Минского, З. Гиппиус и А. Блока. Для анализа привлекаются наиболее репрезентативные тексты, которые, с одной стороны, позволяют проследить основные направления художественного осмысления проблемы добра и зла в раннем русском символизме, а с другой – выявляют своеобразие художественного мира каждого из рассматриваемых поэтов. В центре внимания находится динамика перехода от эстетически мотивированной амбивалентности ценностей к попыткам их диалектического преодоления в рамках религиозно-философских моделей синтеза. Рассматриваемый материал интерпретируется в контексте символистской эстетики, ориентированной на переосмысление традиционной христианской аксиологии и формирование альтернативных моделей ценностного мышления, характерных для поэтической культуры конца XIX – начала XX века. Особое внимание уделяется функционированию устойчивых образно-мотивных структур, связанных с образами Бога и Дьявола. В результате анализа выявляются как общие тенденции, так и индивидуально-авторские стратегии художественной репрезентации мотива добра и зла в раннем русском символизме.

Ключевые слова: *символизм, декаданс, мифопоэтика, аксиологическая парадигма, переоценка ценностей, добро и зло, Бог и Дьявол.*

---

* Эдгар Аршакян – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русской литературы ЕГУ
Էդգար Արշակյան – րանսափրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնի ասիստենտ
Edgar Arshakyan – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, YSU, Chair of Russian Literature
Эл. почта: edgar.arshakyan@ysu.am, <https://orcid.org/0000-0003-0062-7017>

Одной из характерных особенностей раннего русского символизма, именуемого декадентским или диаволическим (по определению Ханзен-Леве), является своеобразная переоценка ценностей. Тенденция эта, типологически соотносящаяся с европейским декадансом и эстетическими установками эпохи *fin de siècle*, в русской литературе приводит к формированию целостной художественной парадигмы, основанной на системе устойчивых образов и мотивов.

В нашей статье речь пойдет о художественной разработке мотива, связанного с основополагающими аксиологическими категориями – добром и злом (Богом и Дьяволом). Различные его вариации обнаруживаются в творчестве многих представителей русского символизма, однако у каждого поэта данный мотив получает своеобразное осмысление, обусловленное эстетическими и мировоззренческими установками автора.

В контексте обозначенной проблемы нами анализируется ряд поэтических текстов, в которых реализуются различные подходы к художественной репрезентации данного мотива в поэзии русского символизма. Нельзя сказать, чтобы рассматриваемые в предложенной статье тексты были обделены вниманием исследователей. Напротив, многие из них уже приобрели хрестоматийный статус. Исключение, пожалуй, составляет стихотворение А. Блока, не включенное в орбиту научной рефлексии и потому не получившее развернутого истолкования. Между тем именно хрестоматийность зачастую приводит к нивелированию различий, акцентируя прежде всего общность эстетических установок. Нас же в данном случае интересуют индивидуально-авторские стратегии художественной репрезентации обозначенного мотива.

Декадентская аксиология

Рассмотрим сперва поэтический манифест Брюсова:

*Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.*

*Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И Господа и Дьявола
Хочу прославить я.*

*Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне. [Брюсов, 1973, Т.1: 355]*

В свое время В.М. Жирмунский метко заметил, что «для поэтов первого поколения символизм был прежде всего освобождением от односторонней аскетической морали русской либеральной общественности» [Жирмунский 1977: 106]. Будучи лидером нового литературного направления, Брюсов последовательно отстаивал творческую свободу художника. В брошюре «О искусстве» мэтр русского символизма декларативно заявлял: «я ишу свободы в искусстве»

[Брюсов, 1975, Т.6, с.44]. Именно обозначенную идею постулирует приведенное стихотворение. Вспомним в этой связи также экспериментаторский «односложный сонет» («Тема предчувствий») Брюсова, воплощающий обозначенную эстетическую позицию не только на идейном уровне, но и на уровне формальном. Приведем полный текст этого, по определению М.Л. Гаспарова, стихотворного «фокуса»:

*Зигзаги
Волны
Отваги
Полны,
И саги
Луны
Во влаге
Слышны!
Запрета
В искусстве
Мне нет.
И это
Предчувствий
Сонет.* [Цит. по: Гаспаров, 2001, с.117]

Конечно, в данном случае речь идет о частном выражении более общей эстетической установки: «старшие» символисты, как отмечает Л.М. Колобаева, «исходили из того, что красота своей широтой превосходит все другие ценностные критерии – морали, добра, долга, пользы и пр.» [Колобаева, 2000: 15]. Эта интенция, во многом заданная программной книгой стихов Шарля Бодлера «Цветы зла» и подхваченная позднее ранним русским символизмом, приводит к формированию специфической аксиологической модели, в рамках которой, по определению Ханзен-Леве, «диаволист пребывает в тотальной ценностной амбивалентности, выражающей его двойственность; под углом зрения эстетического все абсолютное релятивизируется (плюрализуется), позитивные и негативные ценности нейтрализуются» [Ханзен-Леве, 1999: 322].

Присущая декадентской аксиологии замена этической оценки эстетической с особой последовательностью воплотилась в поэзии Бальмонта. Укажем на стихотворение «Бог и Дьявол»:

*Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог,
Одному – мои стоны, и другому – мой вздох,
Одному – мои крики, а другому – мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты.*

*Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на Север иду я, то откинусь на Юг,
То далёко, с Востока, поплыву на Закат,
И пылают рубины, и чернеет агат.*

*О, как радостно жить мне, я лелею поля,
Под дождём моим свежим зеленеет Земля,*

*И змеиностью молний и раскатом громов
Много снов я разрушил, много сжѣг я домов.*

*В доме тесно и душно, и минутны все сны,
Но свободно-воздушна эта ширь вышины,
После долгих мучений как пленителен вздох,
О, таинственный Дьявол, о, единственный Бог!* [Бальмонт, 1991, с.272]

Заметим, что в анализируемых стихотворениях Брюсова и Бальмонта стремление к охвату предельной полноты бытия находит воплощение в сходной поэтической формуле:

<i>И все моря, все пристани Люблю, люблю равно.</i>	<i>Я как туча блуждаю, много красок вокруг, То на Север иду я, то откинусь на Юг, То далёко, с Востока, поплыву на Закат,</i>
<i>Хочу, чтоб всюду плавала Свободная ладья,</i>	

Вместе с тем ценностные ориентиры двух поэтов не тождественны. У Брюсова мотив всеохватности соотнесён прежде всего с идеей внутренней свободы, с отказом от любых ограничений и утверждением права личности на духовное и экзистенциальное самоопределение. У Бальмонта аналогичное стремление подчинено иной доминанте – эстетической. Неслучайно слово «Красота» у поэта часто получает заглавное написание. В свое время В.А. Гофман обратил внимание на особую роль этой характерной особенности символистской поэтики – «экспрессию прописных букв». Он пишет: «Эти прописные буквы в общих и отвлеченных именах восстанавливали традицию средневекового символизма, “оживлявшего” абстракции на правах самостоятельных отдельных существ» [Гофман, 1937, с.85]¹. Действительно, в поэзии Бальмонта понятие красоты словно утрачивает характер отвлечённой категории и приобретает статус сакрализованной сущности. При этом Бальмонт стремится к последовательному расширению границ эстетического. Показательна в этом отношении его статья «Поэзия ужаса», посвященная офортам Франциско Гойи. Бальмонт здесь пишет: «*Los Caprichos* – своего рода художественная теодицея, гармоническое оправдание существования зла – бесконечным разнообразием его оттенков, гимн красоте чудовищного, которая потому и встает, как красота, что она неисчерпаема». [Бальмонт, 1904, с.7]. В статье, общий пафос которой заключается в эстетизации безобразного, поэт утверждает: «Гармония сфер и поэзия ужаса – это два полюса Красоты» [там же, с.2]. Тем самым у Бальмонта снимается привычное противопоставление гармоничного и безобразного. В этой связи любопытно также его поэтическое обращение к фигуре Хосе де Рибера – живописца пыток и мученичества («Рибейра»):

*Ты не был знаком с ароматом
Кругом расцветавших цветов.*

¹ Любопытные закономерности в процессе персонификации усматривают Лотман и Успенский [Лотман, Успенский, 1973: 284-287].

*Жестокий и мрачный анатом,
Ты жаждал разъятия основ.*

*Поняв убедительность муки,
Ее затаил ты в крови,
Любя искаженные руки,
Как любят лобзанья в Любви.*

*Ты выразил ужас неволи,
И бросил в беззвездный предел
Кошмары, исполненных боли,
Тобою разорванных тел.*

*Сказав нам, что ужасы пыток
В созданных мечты хороши,
Ты ярко явил нам избыток
И бешенство мощной души.*

*И тьмою, как чарой, владея,
Ты мрак приобщил в Красоте,
Ты брат своего Прометея,
Который всегда в темноте. [Бальмонт, 1991, сс.184-185]*

Конечно, здесь Бальмонт во многом следует за Теофилом Готье. По-видимому, его впечатлило одноименное стихотворение знаменитого парнасца, посвященное этому мастеру тенебризма эпохи барокко, личность которого была опутана достаточно «мрачным» ореолом. Бальмонт цитирует своего французского предшественника в уже упомянутой статье «Поэзия ужаса»: «Il est des sœurs épris du triste amour du laid» («Он из числа сердец, влюбленных в безобразное»), проецируя строку на офорты Гойи. Таким образом, бальмонтовская интерпретация вписывается в более широкую европейскую традицию эстетизации безобразного. Выразительной иллюстрацией обозначенной тенденции служит сонет «Уроды», построенный на нарочито дисгармоничном сочетании формы и содержания.

*Я горько вас люблю, о бедные уроды,
Слепорожденные, хромые, горбуны,
Убогие рабы, не знавшие свободы,
Ладьи, разбитые веселостью волны.
<...>*

*О, есть же и для вас в молитве череда!
Во имя Господа, блаженного всегда,
Благословляю вас, да будет счастье с вами! [Бальмонт, 1991, с.67]*

Более радикальному переосмыслению подвергается рассматриваемый мотив в творчестве Федора Сологуба. Обратимся к одному из наиболее декадентских

текстов поэта. Учитывая значимость образно-мотивной системы стихотворения в контексте нашего анализа, позволим себе привести его полностью:

*Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, – я тону.*

*И вынес я опять на сушу,
В большое, злое житиё,
Мою отверженную душу
И тело грешное моё.*

*Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, –
Я власти тёмного порока
Отдам остаток чёрных дней».*

*И верен я, отец мой, Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал,
И Ты меня из бездны спас.*

*И Дьявол взял меня, и бросил
В полуистлевшую ладью.
Я там нашёл и пару вёсел,
И серый парус, и скамью.*

*Тебя, Отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И соблазняя соблазню.*

[Сологуб, 2014, Т.2, Кн.2, с.139]

На первый взгляд стихотворение Сологуба полностью вписывается в общую художественную парадигму раннего русского символизма, что во многом обусловлено общностью эстетических установок «старших» символистов. Однако при более пристальном внимании обнаруживается, что за внешней близостью образно-мотивной структуры скрываются существенные различия в плане художественного осмысления данного мотива. Приведенный текст является одним из самых выразительных примеров сологубовского богоборчества². Общий пафос стихотворения Сологуба, творчество которого Андрей Белый объективно считал «квинтэссенцией декадентских переживаний» [Белый, 1990, с.128], детерминирован не эстетическими, а мировоззренческими установками.

Попутно отметим, что в художественной парадигме диаволического символизма переосмысление проблемы добра и зла в своем радикальном проявлении может дойти до полного разрушения традиционной библейской системы. Характерным примером может служить стихотворение Сологуба, в котором сюжет библейской легенды об искушении Христа инвертируется:

Скитался Сатана в пустыне.

Там искушал его Христос <...> [Сологуб, 2014, Т.2. Кн.2: 98]

Однако в русском символизме, в том числе у его ранних представителей, намечается и иная тенденция, принципиально отличная от диаволического эстетизма и аксиологической инверсии.

Религиозно-мистическая диалектика

² Этот мотив своеобразно проявляется и в других стихотворениях. Ср., например: «Злое земное томленье...», «Что мы служим молебны...», «Безжизненный чертог...».

В контексте обозначенной темы следует обратиться также к поэзии одного из представителей так называемого предсимволизма, автора философско-мистической теории меонизма – Николая Минского. Начавший свой путь с гражданской поэзии (как, между прочим, и Бальмонт), Минский впоследствии обращается к индивидуализму, что закрепляет за ним «печальное титуло отца русского декадентства» [Ранние символисты, 2005, с.251]. Неслучайно поэтому, что в некоторых стихотворениях Минского возникают мотивы, сближающие его поэзию с диаволическим дискурсом русского символизма. Укажем на стихотворение «Почему?». Чтобы более наглядно проследить сходства, приведем фрагмент стихотворения Минского параллельно с процитированными выше текстами Брюсова и Бальмонта:

*И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.*

*Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,*

*Я как туча блуждаю, много красок вокруг,
То на Север иду я, то откинусь на Юг,
То далёко, с Востока, поплыву на Закат,*

Я жажду безгрешности – и творю грех.

Почему?

Я молюсь единственной – и хочу всех.

Почему? [Ранние символисты, 2005, с.253].

Вместе с тем творчество Минского постепенно развивается в русле религиозного символизма. Именно в его поэме «Город смерти», опубликованной еще в 1894 году, С.В. Сапожков усматривает одну из первых попыток «религиозных символистов» размежеваться с «символистами-эстетиками». [Сапожков, 2005, с.42].

Обращаясь к интересующему нас мотиву, заметим, у Минского намечается своеобразная трансформация традиционной этической оппозиции, не сводимая, однако, к раннесимволистской эстетизации зла. Для рассмотренных выше случаев характерно снятие противопоставления добра и зла в рамках эстетического синтеза, тогда как у Минского наблюдается иная тенденция – попытка внутреннего переосмысления самой категории добра. Концептуально эта позиция воплощается в стихотворении «Два пути»:

*Нет двух путей добра и зла –
Есть два пути добра.
Меня свобода привела
К распутью в час утра.*

*Проклятье в том, что не дано
Единого пути.
Блаженство в том, что всё равно,
Каким путем идти.*

*И так сказала: «Две тропы,
Две правды, два добра –
Раздор и мука для толпы,
Для мудреца – игра.*

*Беспечно, как в прогулки час,
Ступай тем иль другим,
С людьми волнуясь и трудясь,
В душе невозмутим.*

*То, что доньше средь людей
Грехом и злом слывет,*

*Их правду правдой отрицай,
Любовью жги любовь.*

*Есть лишь начало двух путей,
Их первый поворот.
Сулит единство бытия
Путь шумной суеты.
Другой безмолвен путь – суля
Единство пустоты.*

*В душе меня лишь созерцай,
Лишь мне дары готовь.
Моей улыбкой мир согрей,
Поведай всем, о чем
С тобою первым из людей
Теперь шепчусь вдвоем.*

*Сулят и лгут – и к той же мгле
Приводят гробовой.
Ты – призрак Бога на земле,
Бог – призрак в небе твой.*

*Скажи, я свечок им зажгла,
Неведомый вчера.
Нет двух путей добра и зла,
Есть два пути добра».*

[Ранние символисты, 2005, сс.189-190].

Здесь принципиально важным становится не отрицание зла как такового, а его своеобразная редукция. Тем самым антиномия не снимается эстетически (как у Брюсова и Бальмонта), но переосмысливается в рамках этического монизма.

Если с позиций эстетизма равноправие «Бога» и «Дьявола» обусловлено утверждением всеобъемлющей свободы художественного сознания, то у Минского за внешней парадоксальностью формулировки скрывается стремление к восстановлению ценностного единства мира. В этом смысле его позиция оказывается промежуточной: с одной стороны, он уже отказывается от жёсткой дуалистической модели, с другой – не принимает характерной для декадентской эстетики апологии зла. По поводу приведенного стихотворения Сапожков отмечает: «в этой новой точке достигнутой им (Минским – Э.А.) внутренней свободы объективная разница между мзонической идеей божественного небытия и христианской идеей божественного бытия сходит на нет и они сливаются в новом, просветленно-молитвенном состоянии духа» [Сапожков, 2005, сс.54-55].

Укажем также на стихотворение Гиппиус «Электричество»:

*Две нити вместе свиты,
Концы обнажены.
То «да» и «нет» не слиты,
Не слиты – сплетены.
Их темное сплетенье
И тесно, и мертво,
Но ждет их воскресенье,
И ждут они его.
Концов концы коснутся –
Другие «да» и «нет»
И «да» и «нет» проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть их будет – Свет. [Гиппиус, 1999, с.111]*

Противоположные начала здесь образуют неразрывное единство. При этом их напряженное противостояние не мыслится как конечное состояние: оно направлено к некоему высшему синтезу, который, однако, достигается не через органическое сосуществование, а через снятие и уничтожение самой оппозиции. Подобная трактовка взаимосвязи двух начал во многом соотносится с религиозно-

философскими построениями Д.С. Мережковского, связанными с идеей грядущего синтеза.

В контексте рассматриваемой проблемы особого внимания заслуживает поэзия Александра Блока. В целом лирика Блока – яркого представителя младосимволизма – по своей идейной направленности не соотносится с раннесимволистской аксиологической парадигмой. Вместе с тем следует выделить одно его стихотворение, представляющее интерес с точки зрения заявленной темы. Речь идет о стихотворении «Был вечер поздний и багровый...» (1902). Поэт здесь обращается к евангельскому сюжету, однако трансформирует его:

*Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый –
Младенца Дева родила.*

*На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.*

*И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.*

*Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искарриота
Улыбку видели гонцы. [Блок, 1997, Т.1: 123-124]*

В блоковской интерпретации евангельской легенды о Рождестве Христовом появляются образы отрока, жены и Иуды Искарриота. Особо диссонирующим представляется образ Иуды. Неслучайно, что стихотворение подверглось цензурному запрещению и не вошло в июльский номер «Нового пути» за 1904 год, в котором вместо 12 стихотворений Блока было напечатано 9 (цензором были вычеркнуты также стихотворения «Мой любимый, мой князь, мой жених...» и «Я – меч, заостренный с обеих сторон...») [Перцов, 1922: 25-26].

Стихотворение Блока соотносится с концепцией коренной взаимосвязи добра и зла («Христа и Антихриста»), распространённой в начале века в среде мистически ориентированных символистов. Как отмечает Д.Е. Максимов, «в 1901–1902 годах, очевидно не без влияния раннего Мережковского, он (Блок – Э.А.) пытается понять добро и зло как ипостаси некоего неразложимого Единства» [Максимов, 1981: 404].

Более наглядно эта идея отразилась в одном из вариантов первых двух стихов рассматриваемого стихотворения:

*Был вечер поздний и багровый –
Кончина дня, добра и зла. <...> [См.: Помирчий, Лощинская, 1997: 309].*

Особо любопытен в этом плане следующий вариант 10-11 стихов текста:

<...> *В невозмутимой тишине*
Воскрес повешенный Иуда <...> [Там же].

Данная тема затрагивается также в дневниковой записи Блока: «Мы еще только смотрим, содрогаясь, и смутно ждем конца. Кто родится – бог или диавол – все равно; в новорожденном заложена вся глубина грядущих испытаний; ибо нет разницы – бороться с диаволом или с Богом – они равны и подобны; как источник обоих – одно Простое Единство, так следствие обоих – высшие пределы Добра и Зла – плюс ли, минус ли – одна и та же Бесконечность» [Блок, 1989: 31].

Однако обозначенная идейная установка Блока скорее носит характер кратковременного интеллектуального опыта, нежели сколь-нибудь устойчивой мировоззренческой позиции. Впоследствии поэт дистанцируется от нее, о чем недвусмысленно свидетельствует его запись:

Менделеев и Толстой. Острейшее сомнение (противоречие). Не могу принять: *ни двух бездн, бога и дьявола, двух путей добра, – «две нити вместе свиты»* (мистика, схоластика, диалектика, метафизика, богословие, филология), *ни теории познания (Белый), ни иронии (интеллигентский мистический анархизм), ни «всех гаваней» (декадентство)*. Гениальничать же не собираюсь (выделено мной – Э.А.) [Блок, 1965, сс.114-115].

Выводы

Таким образом, в раннем русском символизме проблема добра и зла получает различные формы художественного осмысления, обусловленные как эстетическими, так и мировоззренческими установками поэтов. В рамках декадентской аксиологии, наиболее последовательно представленной в поэзии Брюсова, Бальмонта и Сологуба, происходит пересмотр традиционной этической системы. При этом у каждого из названных поэтов тенденция эта реализуется по-своему.

Вместе с тем в русском символизме намечается и иная тенденция, ориентированная на преодоление дуалистического противопоставления добра и зла не на эстетическом, а на религиозно-мистическом уровне – через поиск метафизического основания, снимающего их непримиримое противостояние. Тем самым аксиологическая проблематика раннего русского символизма обнаруживает не только общность исходных эстетических предпосылок, но и глубокую внутреннюю неоднородность.

EDGAR ARSHAKYAN – *From Decadent Aestheticism to Religious-Mystical Dialectics: The Axiology of Early Russian Symbolism* – The article examines the specificity of the artistic development of the motif of good and evil in the poetry of early Russian Symbolism. It analyzes the main axiological models characteristic of the “decadent” (“diabolical”) stage of Symbolism, associated with the aestheticization and relativization of ethical categories, as well as the subsequent tendency toward their religious and mystical reinterpretation. The research material comprises poetic texts by V. Bryusov, K. Balmont, F. Sologub, N. Minsky, Z. Gippius, and A. Blok. The analysis draws on the most representative texts, which, on the one hand, make it possible to trace the main directions of the artistic interpretation of the problem of good and evil in early Russian Symbolism, and, on the other hand, reveal the specificity of each poet’s

individual artistic world. The focus is on the dynamics of the transition from aesthetically motivated ambivalence of values to attempts at their dialectical overcoming within the framework of religious-philosophical models of synthesis. The material under study is interpreted in the context of Symbolist aesthetics oriented toward the rethinking of traditional Christian axiology and the formation of alternative models of value thinking characteristic of the poetic culture of the late 19th and early 20th centuries. Special attention is paid to the functioning of stable image-motif structures associated with the figures of God and the Devil. As a result of the analysis, both general tendencies and individual authorial strategies of artistic representation of the motif of good and evil in early Russian Symbolism are identified.

Keywords: *symbolism, decadence, mythopoetics, axiological paradigm, revaluation of values, good and evil, God and the Devil.*

ИСТОЧНИКИ

- Андрей Белый. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М.: Художественная литература, 1990.
- Бальмонт К.Д. Поэзия ужаса. В кн.: Бальмонт К.Д. Горные вершины. Сборник статей. М. Гриф, 1904, сс.1-10.
- Бальмонт К.Д. Избранное. Стихотворения. Переводы. Статьи. Москва: Правда, 1991.
- Блок А.А. Записные книжки. Москва: Художественная литература, 1965.
- Блок А.А. Дневник. Москва: Советская Россия, 1989.
- Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т.1. Стихотворения. Книга первая. 1898-1904. Москва: Наука, 1997.
- Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7 томах. Т.1. Стихотворения. Поэмы. 1892-1909. Москва: Художественная литература, 1973.
- Брюсов В.Я. О искусстве. В кн.: Брюсов В.Я. Собрание сочинений в 7 томах. Т.6. Статьи и рецензии. 1893-1924. Из книги «Далекие и близкие». Miscellanea. Москва: Художественная литература, 1975, сс.43-54.
- Гиппиус З.Н. Стихотворения. Санкт-Петербург: Академический проект, 1999.
- Перцов П.П. Ранний Блок. Москва: Костры, 1922.
- Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург: Академический проект, 2005
- Сологуб Ф.К. Полное собрание стихотворений и поэм в 3 томах. Санкт-Петербург: Наука, 2012–2020.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров, М.Л., 2001. *Русский стих начала XX века в комментариях*. Москва: Фортуна Лимитед.
- Гофман, В.А., 1937. Язык символистов. В кн.: П.И. Лебедев-Полянский, ред. *Литературное наследство*. Т.27-28. Москва: Гослитиздат, сс.54-105.
- Жирмунский, В.М., 1977. Преодолевшие символизм. В кн.: Жирмунский В.М. *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. Ленинград: Наука, сс.106-133.
- Колобаева, Л.М., 2000. *Русский символизм*. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Лотман, Ю.М, Успенский, Б.А., 1973. Миф – имя – культура. В кн.: Ю.М. Лотман, ред. *Труды по знаковым системам VI*. Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, сс.282-303.
- Максимов, Д.Е., 1981. *Поэзия и проза А. Блока*. Ленинград: Советский писатель.
- Помирчий, Р.Е., Лощинская, Н.В., 1997. Другие редакции и варианты <стихотворений раздела «Стихи о Прекрасной Даме VI»>. В кн.: Блок А.А. *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах*. Т.1. Москва: Наука, сс.305-317.

- Сапожков, С.В., 2005. Поэзия и судьба Николая Минского. В кн.: *Ранние символисты: Николай Минский, Александр Добролюбов. Стихотворения и поэмы*. Санкт-Петербург: Академический проект, сс.7-96.
- Слободнюк, С.Л., 1998. «Дьяволы» Серебряного века. Древний гностицизм и русская литература 1890–1930 гг. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Ханзен-Лёве, А., 1999. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм*. Санкт-Петербург: Академический проект.

REFERENCES

- Gasparov, M.L., 2001. *Russkij stih nachala XX veka v kommentarijah* [Russian Verse of the Early Twentieth Century in Commentaries]. Moscow: Fortuna Limited Publ. (in Russian).
- Gofman, V.A., 1937. Jazyk simvolistov [The Language of the Symbolists]. In: P.I. Lebedev-Poljanskij, ed. *Literaturnoe nasledstvo. T.27-28* [Literary Heritage. Vols. 27–28]. Moscow: Goslitizdat Publ, pp.54-105. (in Russian).
- Zhirmunskij, V.M., 1977. Preodolevschie simvolizm [Those Who Overcame Symbolism]. In: Zhirmunskij V.M. *Teorija literatury. Pojetika. Stilistika* [heory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka Publ., pp.106-133. (in Russian).
- Kolobaeva, L.M., 2000. *Russkij simvolizm* [Russian Symbolism]. Moscow: Moscow University Publ. (in Russian)
- Lotman, Ju.M., Uspenskij, B.A., 1973. Mif – imja – kul'tura [Myth – Name – Culture]. In: Ju.M. Lotman, ed. *Trudy po znakovym sistemam VI* [Studies in Sign Systems VI]. Tartu: Tartu State University Publ., pp.282-303. (in Russian).
- Maksimov, D.E., 1981. *Poezija i proza A. Bloka* [The Poetry and Prose of Alexander Blok]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. (in Russian).
- Pomirchij, R.E., Loshhinskaja, N.V., 1997. Drugie redakcii i varianty <stihotvorenij razdela «Stihi o Prekrasnoj Dame VI»> [Other Editions and Variants <of the Poems from the Section “Verses about the Beautiful Lady VI”>]. In.: Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 20 tomah. T.1* [The Complete Works and Letters in 20 Volumes. Vol. 1.]. Moscow: Nauka Publ, pp.305-317. (in Russian).
- Sapozhkov, S.V., 2005. Poezija i sud'ba Nikolaja Minskogo [The Poetry and Fate of Nikolai Minsky]. In: *Rannie simvolisty: Nikolaj Minskij, Aleksandr Dobrolyubov. Stihotvorenija i pojemy* [Early Symbolists: Nikolai Minsky, Alexander Dobrolyubov. Verses and Poems]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt Publ., pp.7-96. (in Russian)
- Slobodnjuk, S.L., 1998. «D'javoly» Serebrjanogo veka. Drevnij gnosticizm i russkaja literatura 1890–1930 gg. [“Devils” of the Silver Age. Ancient Gnosticism and Russian Literature of the 1890s–1930s]. Saint Petersburg: Aleteiya Publ. (in Russian).
- Hansen-Ljove, A., 1999. *Russkij simvolizm. Sistema pojeticheskikh motivov. Rannij simvolizm* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motifs. Early Symbolism]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt Publ. (in Russian).

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ *ИНОЙ, ДРУГОЙ*

ДИАНА ГАЗАРОВА*

Ереванский государственный университет

*Мне открылось, что все люди другие. Не такие же, как я, а другие. Все!
И мир не населен мною, размноженным на миллиарды людей.
Все другие люди они совершенно другие, а я другой для них. Вот так!
Евгений Гришковец*

Аннотация. В статье рассматриваются референциальные особенности местоимений *иной*, *другой*, делается попытка пересмотра функционального статуса данных местоимений. Традиционно относимые к определительным, эти лексемы функционируют как маркеры качественной неопределенности. При употреблении данных местоимений мы наблюдаем несоответствие референта ожиданиям говорящего, и именно это является релевантным. Исследование базируется на теории референции, концепции «Другого» (в философском и лингвистическом аспектах) и оппозиции денотативного и сигнификативного значений. В работе обосновывается тезис о том, что основным компонентом значения местоимений *иной* и *другой* является выражение несоответствия и несоответствия ожиданиям говорящего. Предлагается модель двух множеств M_1 (соответствие) и M_2 (несоответствие). В статье обосновано, что неопределенность при употреблении рассматриваемых слов возникает не из-за отсутствия или неизвестности референта, а из-за его закрепленности за потенциально бесконечным множеством M_2 . Выявлена функциональная асимметрия анализируемых лексем: местоимение *другой* тяготеет к денотативной функции и субстантивации («не этот»), в то время как *иной* реализует сигнификативную функцию (качественная характеристика – «не такой») и выступает преимущественно в роли предиката. Информативная недостаточность рассматриваемых местоимений подтверждается их регулярным катафорическим употреблением и сочетаемостью с наречием степени (*совсем*), что позволяет классифицировать их как непрототипические способы выражения качественной неопределенности в русском языке. Данные средства выражения неопределенности в ряде контекстов обладают большей экспрессивной силой, чем неопределенные местоимения.

Ключевые слова: *определятельные местоимения, референция, денотат, сигнификат, качественная неопределенность.*

* Диана Газарова – кандидат филол. наук, доцент, декан факультета русской филологии ЕГУ

Diana Gazarova – PhD, Associate Professor, Dean of YSU Faculty of Russian Philology

Դիանա Գազարովա – փանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, ԵՊՀ ռուս փանասիրության ֆակուլտետի դեկան

Эл. почта: dgazarova@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0008-4632-712>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2025

Введение

В русском безартиклевым языке основными маркерами категории определенности/неопределенности являются местоимения (указательные и неопределенные). Однако определительные местоимения *иной*, *другой* также способны выражать значение неопределенности, мы назовем эти случаи непрототипическими способами выражения неопределенности. В большинстве случаев эти непрототипические выразители неопределенности бывают более красноречивыми, чем прототипические, которым отведена роль выражать значение неопределенности.

Проблема Другого давно волновала философов. Особую значимость проблема приобрела в концепциях экзистенциалистов, переключивших внимание с социального подхода к человеку на личностный и с отношений между субъектом и объектом на межсубъектное взаимодействие. Ж.-П. Сартр отмечал, что язык не привнесен в бытие-для-другого, он изначально и есть само бытие-для-другого... Язык не может быть «изобретен» в мире чистых объектов, так как он с самого начала предполагает отношение к другому субъекту, а в рамках интересубъектности его не нужно изобретать: он уже задан фактором другого. Из того, что мои действия меня проецируют вовне и осмысливаются другим, следует, что я есть язык [цит. по: Арутюнова, 1998, с.647].

Жак Лакан писал, что основу психического мира личности составляет не эгоцентрическая системность, но диалогическое «желание»; личность не может существовать без «другого». Субъект проецирует себя на другого и другого на себя; это диалогическое взаимодействие понимается не как сочетание и координация двух монологов, но как ситуация принципиального несоответствия между участниками, без которого монологическое самовыражение каждого из них не могло бы иметь места [Гаспаров, 1996].

Философские концепции Другого не могли не найти отражения в лингвистике. Э. Бенвенист предложил теорию языка как реализацию личностного начала человека. При этом субъект постоянно противопоставляет себя Другому: «Осознание себя возможно только в противопоставлении. Я могу употребить *я* только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как *ты*» [Бенвенист, 1974, сс.294-295].

В связи с этим приведем пример из книги Вардана Айрапетяна «Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски»: в ней приводится анекдот о том, как десятеро не могут досчитаться одного, а все потому, что каждый, кто считал, себя в счет не брал. В. Айрапетян продолжает:

Этот анекдот про глупцов вчуже смешон, но ведь все мы такие дураки, это притча и о человечестве. Каждый сам для себя *иной* по отношению ко всем другим людям, а чтобы включить себя в счет, нам нужно увидеть себя со стороны [Айрапетян, 2025, с.77].

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, концепция Другого ввела в фокус изучения три круга явлений: 1) семиотизацию личности – ее речевых и поведенческих проявлений; 2) самопознание через диалогизацию внутреннего мира и превращение субъекта сознания в объект познания; 3) поляризацию своего и чужого (сферы Эго и сферы Другого) [Арутюнова, 1998, сс.648-649]. Все три области взаимосвязаны в языке, имеют свои проявления.

Проблеме Другого посвящено много философских работ, нас заинтересовал лингвопрагматический аспект данного вопроса. В этом аспекте интересны местоимения *иной*, *другой*, которые грамматическая традиция относит к определенным местоимениям. Наши наблюдения показали, что данные местоимения в некоторых случаях выражают бо́льшую неопределенность, чем те местоимения, которым прототипически отведена данная функция.

Основная часть

Местоимения *иной*, *другой* скорее не определяют, а выражают значение несоответствия, «выражение несоответствия, нетождественности с ожидаемым или с тем, что следовало бы ожидать» [Русская грамматика, 1979, с.360]. Это значение Пражская грамматика приписывает сочетаниям с указательными местоимениями (*не тот, не такой*), отмечая также наличие подобного значения у местоимений *иной*, *другой*. Мы считаем, что это значение является основным у данных местоимений, неопределенность и возникает в результате того, что присутствует лишь несоответствие, несоответствие, а определяющих характеристик, как правило, нет. Мы считаем такое поведение определительных местоимений способом выражения качественной неопределенности. Ср.:

За открытой в конце коридора дверью слышались голоса, даже смех, пахло **другой**, не тюремной жизнью (А. Рыбаков); Альтернатива истины — **другая** истина, более глубокая, более жизнеспособная (С. Довлатов).

Этим акцентом лишь на несоответствие и обусловлено то, что в большинстве случаев данные местоимения сочетаются с наречием степени **совсем**, обозначающим характер интенсивности признака, что убеждает нас в том, что местоимения **иной**, **другой** выражают именно качественную неопределенность.

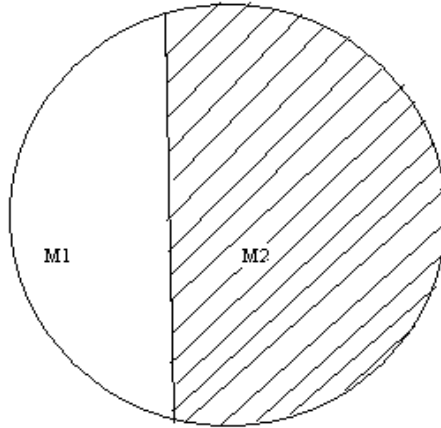
Нет, нет, мне нужно заняться чем-то **другим**, **совсем другим** (Д. Гранин); Это было какое-то чувство, чувство, что все должно было происходить не так, как есть, кроме той жизни, что у него, еще какая-то, это была огромная жизнь, полная **совсем другого**, **неизвестно чего**, но это была не яма в гараже, не семейная жизнь, что-то другое, что-то менее бытовое, несмотря на огромные размеры этой другой жизни, Петров за почти тридцать лет к ней не прикоснулся, потому что не знал как (А. Сальников).

Совсем подчеркивает несоответствие, несоответствие, в некоторых случаях имеется и развернутое противопоставление, даются кое-какие характеристики, критерии осуществляемого противопоставления:

У отца, например, книги были **совсем другие**: крепкие, хорошо стянуты переплётками на каждой странице был или рисунок, изображающий военного с оружием в различных позах, заряжающего оружие или выполняющего какую-нибудь команду, или на целую страницу была помещена карта местности, или схема, или летящий снаряд и пунктирный путь, по которому летит снаряд... (Э. Лимонов); А он приезжал **совсем из другого** мира: синее море, яркое солнце (И. Грекова); Да, **совсем другой** мир! Там стоят в очередях, отоваривают карточки. Здесь пьют кофе, курят сигареты, любят заграничными модами (А. Рыбаков).

В большинстве случаев говорящий, противопоставляя то или иное явление (признак, предмет), называет критерии сравнения. При этом говорящий употреб-

ляет наречие **совсем**, как бы подчеркивая несоответствие одного явления другому. В «мысленном досье» говорящего существует как бы 2 множества: M_1 , которое представляет собой множество соответствий, и M_2 , в которое входит все то, что не соответствует M_1 . Неважно, какими именно признаками обладает элемент из M_2 , релевантным является его закреплённость за данным множеством, важно то, что данный элемент не обладает признаками, характерными для M_1 . Причём M_2 , несомненно, больше M_1 .

Тот факт, что основополагающим в значении данных местоимений является выражение несоответствия, подтверждается и возможностью их сочетания с неопределёнными местоимениями:

Вернее, боль перестала быть болью и сделалась **чем-то другим**, индифферентным и лишенным качеств (В. Пелевин); Потому что тут дело не только в искусстве, мысли или вообще интенсивности творческой энергии, а еще в **чем-то многом другом**. Но как его сказать? (Л.Д. Блок)

Данные примеры демонстрируют то, что говорящий понимает наличие несовпадения, но не может идентифицировать явление, он лишь чувствует, что – «не то».

Эта омонимия форм свидетельствует о том, что местоимения **иной, другой** употребляются лишь в противовес чему-то, обязательно имеется исходный элемент сравнения. Если в случаях употребления неопределённых местоимений мы говорим о неопределённости референта, его признака, то при употреблении определительных местоимений мы наблюдаем прежде всего несоответствие референта ожиданиям говорящего, и именно это является релевантным. В данных случаях не столь важным является то, какими именно признаками наделён референт: информативно достаточным является лишь указание на то, что референт не обладает признаками, соответствующими ожиданию говорящего. В сознании говорящего этот референт тут же занимает место в M_2 , и далеко не всегда говорящий испытывает необходимость в раскрытии этого несоответствия.

Рассмотрим особенности местоимений **иной, другой** в денотативном и сигнификативном аспектах. Материал, собранный нами, показал, что местоимение **другой** имеет тенденцию к денотативной функции, может заменять данный объект, при этом не конкретизируя, каким объектом заменяет (**другой = не**

этот). **Иной** же, выступая в сигнификативной функции, замещает значение, которое предполагает характеристику объекта, выделяя в нем те или иные свойства, раскрытие, эксплицирование которых говорящий считает необязательным (**иной = не такой**). Ср.:

В уме своем я создал мир **иной**
 И образов **иных** существованьё;
 Я цепью их связал между собой,
 Я дал им вид, но **не дал им названья**;
 (М. Лермонтов)

В «сказочном лесу» были первые безмолвные встречи с **другим** Блоком, который исчезал, как только снова начинал болтать, и которого я узнала лишь три года спустя (Л.Д. Блок); Видимо, деньги стали эквивалентом **иных**, более значительных по классу ценностей (С. Довлатов).

В случае с **иной** реализуется сигнификативная, качественная характеристика.

В. Айрапетян отмечал: «Иной больше чем другой, он «совсем другой». Других двое или много, а иной один-единственный или единый; другой не как один, а иной не как все. Я сам для себя иной, но не другой» [Айрапетян, 2025, с.214]. Это различие и обуславливает способность местоимения **другой** к более частой субстантивации ввиду наличия у него денотативного значения. Замещение субъекта характерно для непредикатных слов.

Предикатные (с сигнификативным значением) слова менее способны замещать функцию подлежащего в предложении. Поскольку **другой** по характеру денотативен, он легче заменяет субъект /и не только/ (хотя возможно употребление и в функции предиката: Мой Петя **другой**). Ср.:

Однажды Мара возвращалась домой. Ее подманила лифтерша, та самая, с уродливым глазом, и по большому секрету сообщила, что из 50-ой квартиры жена ушла к **другому**. **Этот другой** приезжал днем на машине «Жигули» желтого цвета ... (В. Токарева); - Признаться сказать, Кузьма Егорыч, все болит, ну, а уж вы лечите одно сердце, а насчет **другого прочего** – не беспокойтесь... **Другое** пусть бабы лечат... Вы мне спиртику какого-нибудь дайте, чтоб к сердцу не подкатывало (А. Чехов); Трудно привыкнуть к человеческой неблагодарности, но и жаловаться на нее глупо, это все равно что хвастать своими благодеяниями. Обидно **другое** – как он обманулся (Д. Гранин).

Местоимение же **иной** ввиду наличия сигнификативного значения легче замещает позицию сказуемого, предиката:

Я не могла бы стать **иной**
 Пред горьким часом наслажденья.
 (А. Ахматова)

Добрый человек почти всегда беден, **иным** и быть ему в силу этого самого качества трудно (Тэффи); Я не умею жить с людьми/ И знаю, с ними – задохнусь./Я **весь иной**, я чуждой веры (З. Гиппиус).

Интересны по этому поводу наблюдения Н.Д. Арутюновой:

Идентифицирующее значение – это перст, указывающий на денотат. К нему предъявляется поэтому только одно требование: адресату речи должно быть ясно направление семантической стрелки. Идентифицирующее значение обладает свойством прозрачности: через него просвечивает реальный объект.[...] Слово, занимающее позицию подлежащего, **называет** предмет.[...] Слово, играющее роль сказуемого, **обозначает** свойства (атрибуты) предмета [Арутюнова, 1976, с.372].

Рассмотрим следующий пример:

- Ты красивый. Но часто грустный. Почему?

- Потому что жизнь **одна, другой** не будет (С. Довлатов).

Здесь употреблено местоимение **другой**, поскольку в предшествующем контексте не указывалось, какая именно жизнь, а лишь отмечалось, что она **одна**.

Один и **другой** являются как бы двумя полюсами-индикаторами: если объект не соответствует полюсу **один**, то употребляется местоимение **другой**.

В подтверждение данного тезиса отметим, что в некоторых славянских языках **второй** переводится как **другой**: **druhý** (в чешском), **drugi** (в польском), **други** (в сербском).

Итак, мы можем сделать вывод, что местоимение **другой** имеет тенденцию к денотативной характеристике объекта (явления, события), а местоимение **иной** – к его сигнификативной характеристике; в связи с этим местоимение **другой** больше подвержено субстантивации. Ср.:

Размышляя впоследствии о характере моего отца, я пришел к тому заключению, что ему было не до меня и не до семейной жизни; он любил **другое** и наслаждался **этим другим** вполне (И. Тургенев); - А что касается материальной стороны дела, ты зарабатываешь втрое больше. То есть от меня практически не зависишь...- Я говорила о **другом**... (С. Довлатов)

Однако во многих случаях возможно и диффузное употребление:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую/иную жизнь и берег дальний
(А.С. Пушкин);

Бедный Борис! Хочет выглядеть перед Фридой значительным человеком, а значительность его совсем в **другом/ином** (А. Рыбаков);

Казалось, что слова людей
Забыл я – и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К **иному/другому** звуку не привык...
(М. Лермонтов)

Во всех этих случаях местоимения взаимозаменяемы.

Благодаря «денотативной прозрачности» и отсутствию абстракции сигнификативного значения, которым обладает местоимение **иной**, местоимение **другой** чаще употребляется в анафорико-катафорической функции:

Страшно было **другое**: Женя могла начать сравнивать их ... (Д. Гранин); Тут Блок стал **другой**, вдруг свой и простой, бегал и хохотал, как и все мы, дети и взрослые (Л.Д. Блок).

Местоимение **иной** также имеет катафорическое употребление:

Старуха, недовольная нуждою и нищетой, громко обычно брюзжала, перебирая достатки соседней. Старик был **иным**: он хранил всю задумчивую важность своих праотцев, которые пасли когда-то стада по палестинским нагорьям, а ночью следили за молчаливою душой движение звезд (И. Новиков).

Тот факт, что местоимения **иной**, **другой** нуждаются в раскрытии и дальнейшем пояснении, подтверждает недостаточность их «определительности» и их близость к неопределенным местоимениям.

Отметим также, что местоимение **иной** имеет и значение неопределенных местоимений **какой-нибудь**, **некоторый**:

Я вспоминала трудности, которые возникали у Б.Н. с **иными из** интеллигентных хозяек и соквартирантов (К. Бугаева); А **иные** были гениями сразу в нескольких областях (С. Довлатов).

Интересен тот факт, что подобным значением обладает лишь местоимение **иной**. Очевидно, это связано с абстрактностью сигнификативного значения, им выражаемого.

Выводы

Таким образом, наш анализ показал, что местоимения **иной**, **другой**, которые лингвистическая традиция относит к определительным местоимениям, могут выражать значение неопределенности. Основным компонентом их значения является значение несовпадения и несоответствия.

Указанные местоимения выражают качественную неопределенность, поскольку указывают лишь на несоответствие, а определяющие характеристики отсутствуют.

Рассмотрев данные местоимения в денотативном и сигнификативном аспектах, мы пришли к выводу, что местоимение **другой** обладает денотативным элементом значения, а местоимение **иной** – сигнификативным, что и обуславливает более частую субстантивацию местоимения **другой**.

Местоимения **иной**, **другой** часто употребляются в катафорической функции, поскольку говорящий чувствует потребность в раскрытии их значения, осознает информативную недостаточность этих определительных местоимений.

DIANA GAZAROVA – Referential Specificity of the Definite Pronouns *иной* and *другой* – The article examines the referential characteristics of the Russian pronouns *иной* and *другой* and attempts to revise their functional status. Traditionally classified as definite ones, these lexemes function as markers of qualitative indefiniteness in actual discourse. The study posits that the relevance of these pronouns lies in the non-correspondence of the referent to the speaker's expectations. Based on reference theory, the concept of the "Other" (in both philosophical and linguistic aspects), and the opposition between denotative and significative meanings, the paper argues that the core semantic component of *иной* and *другой* is the expression of discrepancy. The author proposes a model of two sets: M₁ (correspondence) and M₂ (non-correspondence). The research demonstrates that indefiniteness arises not from the

absence or anonymity of the referent, but from its assignment to the potentially infinite set M_2 . Furthermore, a functional asymmetry is identified: *другой* tends toward denotative function and substantivization ("not this one"), whereas *иной* realizes a significative function (qualitative characterization — "not such") and acts primarily as a predicate. The informative insufficiency of these pronouns is confirmed by their regular cataphoric use and compatibility with intensifiers (*совсем*), allowing them to be classified as non-prototypical tools for expressing qualitative indefiniteness in the Russian language. In certain contexts, these means of expressing indefiniteness possess greater expressive power than standard indefinite pronouns.

Keywords: *definitive pronouns, reference, denotation, signification, qualitative indefiniteness.*

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айрапетян В., 2025. *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски*. 3-е изд. Ереван: Издательство ИАЭ.
- Арутюнова Н.Д., 1976. *Предложение и его смысл*. Москва: Наука.
- Арутюнова Н.Д., 1998. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры.
- Бенвенист Э., 1974. *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс.
- Гаспаров Б., 1996. *В поисках «другого»*. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1996/1/v-poiskah-drugogo.html> [дата обращения: 09.04.2026].
- Русская грамматика (два тома с продолжающейся нумерацией)*, 1979. Прага: Academia.

REFERENCES

- Hayrapetyan V., 2025. *Tolkuya slovo. Opyt germeneytiki po-russki [Interpreting the word: an experience of hermeneutics in Russian]*. 3rd ed. Yerevan: IAE Publ. (in Russian).
- Arutyunova N.D., 1976. *Predlozhenie i ego smysl [The sentence and its meaning]*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Arutyunova N.D., 1998. *Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of a human being]*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ. (in Russian).
- Benvenist E., 1974. *Obshchaya lingvistika [Problems in general linguistics]*. Moscow: Progress Publ. (in Russian).
- Gasparov B., 1996. *V poiskakh «drugogo» [In search of the "other"]*. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1996/1/v-poiskah-drugogo.html> [Accessed 09 April 2026].
- Russkaya grammatika (dva toma s prodolzhayushcheysya numeratsiyey) [Russian grammar]*, 1979. Praga: Academia Publ. (in Russian).

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СИНОНИМОВ: «РУССКОЕ» СЛОВО ПАТРИОТ (ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛЫ В ЗЕРКАЛЕ АРМЯНСКИХ СООТВЕТСТВИЙ)

РУЗАН ГРДЗЕЛЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному лексико-семантическому и дискурсивному анализу межъязыковых синонимов – анализу слова и концепта «патриот» в русском и армянском языках. Исследование множества текстов с данной лексемой позволило сделать вывод о том, что между русским словом «патриот» и аналогичными армянскими словами существуют большие расхождения – как в семантике, лексической парадигматике, так и в дискурсивных свойствах. Так, в русском языке слово «патриот» не отличается разнообразием эпидигматических и лексико-парадигматических связей. В армянском же языке, где господствует словообразовательная модель словосложения, имеется достаточно большое количество синонимов и антонимов. Сочетаемость основ способствует развитию рекуррентности слов в синонимическом ряду. Наряду с этим синонимический ряд включает слова с различными оттенками значения, следовательно, отличается высокой номинативной плотностью. Таким образом, перед нами предстает богатая смысловая палитра армянского концепта «патриотизм». В этом множестве смысловых оттенков выделяются смысловые узлы, которые и представляют общий контур армянского концепта.

По-разному проявляется концепт «патриот» в русском и армянском дискурсах. Так, в русском дискурсе формируется противопоставление «лжепатриот – истинный патриот», которое не столько уточняет значение указанного словосочетания, сколько порождает вокруг него «спор», «диспут», а иногда ставит под сомнение общепринятое, словарное понимание того, что считать истинным патриотизмом. Таким образом в русском дискурсе формируются отрицательные коннотации лексемы «патриот» и зарождается своего рода дискуссия относительно как значения этого слова, так и самого понимания патриотизма. Дискурсивное пространство русского языка в этом отношении разделяется на две области: область, где наблюдается тенденция оградить это слово и стоящее за ним понятие от смысловых деформаций, сохранить в первозданном виде его словарное значение и «чистоту» понятия, и область, где наблюдается обратная

* Рузан Грдзелян – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ

Ռուզան Գրձելյան – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր, ԵՊՀ ռուսաց լեզվաբանության, տիպաբանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի վարիչ

Rouzan Grdzelyan – Sc.D. in Philology, Professor, Head of YSU Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication

Эл. почта: ruzan.grdzelyan@ysu.am, <https://orcid.org/0000-0002-6302-7871>

тенденция – видеть в этом слове отражение психологии восприятия подобного явления в обществе, а следовательно, «уточнить» и деформировать его лексическое значение.

Подобное толкование патриотизма, характерное для русского дискурса, не наблюдается в армянском, который принципиально отличается с точки зрения интерпретации патриотизма как социального и индивидуального проявления данного психологического явления. Армянское языковое восприятие патриотизма остается в рамках канонического, традиционного и стереотипного его представления как исключительно приветствуемой, поощряемой обществом модели поведения – проявления любви к своей родине, стране, народу, преданности, защиты их интересов и свобод.

Ключевые слова: функциональная семантика, дискурс, энантиосемия, лексическая сочетаемость, комбинаторика основ, концепт.

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Лермонтов

Введение

Слово, заимствованное из чужого языка, попадая в новую языковую среду, в новую лингвокультуру, иные дискурсивные условия, начинает порой жить своей самостоятельной жизнью, преобразовываясь и обретая новый семантический облик. Такова судьба «русского» слова *патриот*.

Имея известное каждому лексикографически закрепленное значение, но обладая, по всей видимости, «энергией преобразования», развивая энантиосемию и тем самым превращаясь порой в свою семантическую противоположность, это слово в русской действительности прошло долгий путь смысловых преобразований. Историю его преобразования мы и стремились проследить и описать.

Актуальность и **новизна** подобной темы обусловлены двумя обстоятельствами – изучением функциональной семантики лексемы, влияния дискурса на смысловые преобразования слова и в конечном итоге на его семантику, а также выявлением особенностей слова в лексическом пространстве языка в свете его сопоставительно-типологического описания.

1. Вербализация понятия «патриотизм» в русском языке и концепт «патриотизм» в русском дискурсе

1.1. Словарное значение лексемы «патриот» и его лексические связи.

Слово *патриот*, по данным Этимологического словаря Макса Фасмера, появилось в русском языке в эпоху Петра I либо опосредованно из немецкого языка, либо непосредственно из французского, в котором оно имеет значение «сын отечества» и является заимствованием из среднелатинского *patriōta*, однако этимологически восходит к греческому *πατριώτης* «земляк, соотечественник» (Фасмер – эл.ресурс).

В толковых словарях русского языка зафиксировано соответствующее значение этого слова: «человек, проникнутый патриотизмом» (Ожегов и Шведова – эл.ресурс); «тот, кто любит свое отечество, предан своему народу, родине» (МАС – эл.ресурс); «человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины»

(Ушаков – эл.ресурс); «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник» (Даль – эл.ресурс). Приведенные толкования позволяют выделить смысловые компоненты значения лексемы *патриот* в русском языке: ‘любовь’, ‘преданность’, ‘жертвенность’, ‘готовность к подвигам’.

Некоторыми словарями фиксируется также одно переносное значение, тесно связанное семантически с первичным значением: «человек, преданный интересам какого-н. дела, глубоко привязанный к чему-н» (Ожегов, Шведова – эл.ресурс); «разг. тот, кто предан чему-либо, горячо любит что-либо» (Ефремова – эл.ресурс).

Исходя из приведенных толкований можно дать обобщенную характеристику слова *патриот* в русском языке: лексема имеет достаточно ограниченную, узкую семантику, и, несмотря на наличие вторичного значения, которое при том фиксируют не все словари, его можно условно, в рамках нашего исследования, обозначить как моносемичное, так как, во-первых, второе значение фиксируют только два словаря, и во-вторых, в смысловом отношении это значение не обнаруживает существенного семантического расхождения с исходным значением.

Вопрос о наличии у слова *патриот* синонимов также можно считать diskutируемым. В некоторых толковых словарях приводятся такие синонимичные архаизмы, как «отчизнолюб, отечественник или отчизник» (Даль – эл.ресурс); «отчизнолюб, отчизнолюбец» (Тришин – эл.ресурс); «отчизнолюбец» (устар.)» (Александрова – эл.ресурс). Однако при этом словари синонимов русского языка не фиксируют у слова *патриот* каких-либо синонимов.

Что касается антонимических связей, то и они не столь разнообразны. Антонимами слова «патриот» в русском языке являются лексемы «предатель», «изменник», «иуда».

Таким образом, слово *патриот* не отличается разнообразием эпидигматических и лексико-парадигматических связей.

1.2. Лексическая сочетаемость и контекстуальное значение слова «патриот».

Давая лексикографическую характеристику слову *патриот*, мы отметили бедность его эпидигматики и парадигматики. Значит ли это неспособность слова развивать и разнообразить свою смысловую палитру, неспособность его генерировать новые смыслы? Слово *патриот* как отдельно взятая лексема, как словарная единица, действительно, ограничено в своем семантическом потенциале, лишено коннотаций и заряда эмотивности. Однако, как нами уже отмечалось в предыдущих исследованиях, организация русского текста тяготеет к уточнению и развитию смыслов через определения, то есть минимальный контекст. Возможно, это есть типологическая особенность русского языка, например, в его сопоставлении с армянским. Естественно, речь идет об относительно большем или меньшем употреблении определений в тексте. Подобная особенность может быть связана также с семантическими и лингвокультурными характеристиками конкретного слова, которое может иметь большой по объему сигнификат и быть самодостаточным в выражении смысловых нюансов, следовательно, не нуждаться в расширении своей семантики через определения и, наоборот, иметь маленький по объему сигнификат и стремиться к расширению понятия через определения.

У слова *патриот* есть следующие традиционно употребляемые в текстах наиболее частотные определения: *истинный, большой, пламенный, великий, настоящий, подлинный, страстный*. Мы привели их в порядке убывания частотности употребления согласно Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ). С семантической точки зрения их можно распределить в две группы: группа с семантическим компонентом ‘подлинный’ (*настоящий, истинный, подлинный*) и группа с семантическим компонентом ‘выдающийся в каком-либо отношении’ (*большой, великий, пламенный, страстный*). Все указанные определения являются постоянными эпитетами или приближены к этому статусу. С одной стороны, постоянные эпитеты, как и любые определения, дополняют семантику определяемого, с другой же стороны, их употребление часто носит полуформальный, ритуальный характер, и встречаются они соответственно в аналогичных, тоже «ритуальных», контекстах, ср.: ▪ «В книге Анатолий Борисович охарактеризован как прекрасный воспитатель молодежи, **подлинный патриот** Родины, кристально честный и принципиальный ученый ...» («Лесное хозяйство», 23.12.2003); ▪ «Мы в то время еще не вполне ясно различали за его фигурой великие тени революционных демократов, **страстных патриотов** своей родины, — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова» (Макаренко); ▪ «В этих записках Сопровский предстает перед читателем **истинным патриотом** своей страны, беспокоящимся о ее будущем, защитником слабых и униженных» (Полетаева); ▪ «... высокоморальный, высококультурный, **большой патриот** России и гражданин Мира ...» (Велихов); ▪ «Королев оставался **пламенным патриотом** своей страны и шел к цели — осуществлению мечты о космических полетах» (Черток); ▪ «**Великий патриот**, как и все наши большие ученые, Л. Н. Шишков в своей речи сказал ...» (Арбузов)¹.

Однако если с семантической точки зрения эти определения имеют указанные нами различия, то в контекстах такие различия нейтрализуются, а данные слова выполняют функцию интенсификаторов признака, то есть их все можно заменить «условным» синонимом «очень + патриот». Таким образом, подобные употребления словосочетаний в аналогичных контекстах приводят к десемантизации прилагательных, которые не наращивают смысл, однако интенсифицируют семантику определяемого слова.

Значит ли это, что указанные прилагательные лишены смыслового потенциала, что они неспособны формировать иные, кроме «ритуальных», контексты? Так, о десемантизации определений с семантическим компонентом ‘подлинный’ (*настоящий, истинный, подлинный*) можно говорить применительно к ограниченному количеству контекстов. Это та группа определений, которые в отдельных контекстах способны влиять на семантику определяемого слова и даже «деформировать» ее, порождая специфические дискурсы. Именно в дискурсе, а не в минимальном контексте, слово раскрывает весь свой смысловой потенциал.

1.3. Слово «патриот» в русском дискурсе.

Такие определения, как *истинный, настоящий, подлинный*, получают семантическую ценность прежде всего в контекстах противительных, где сталкиваются

¹ Здесь и далее все тексты из Национальный корпус русского языка (НКРЯ) - <https://ruscorpora.ru/>

два таких явления / понятия, как «лжепатриот» и «истинный патриот», ср.: «Смуту в обществе сеют противники: левые или правые, белые или красные, умные или глупые, **псевдопатриоты** или **истинные патриоты**» ... (Аграновский).

Таким образом в русском дискурсе формируется противопоставление «лжепатриот – истинный патриот», которое не столько уточняет значение указанного словосочетания, сколько порождает вокруг него «спор», «диспут», а иногда ставит под сомнение общепринятое, словарное понимание того, что считать истинным патриотизмом, ср.: «На официальное приглашение прибыть в Англию для переговоров А. С. Попов, как **подлинный патриот**, ответил: «Нет — я русский человек, и все свои знания и весь свой труд, все свои достижения имею право отдавать только моей Родине» (Кузнецов). Казалось бы, такая позиция является единственно верной и патриотичной, не подлежащей какому бы то ни было сомнению, однако сомнения у иного могут и появиться: а может быть, подлинный патриот должен также популяризировать свою страну, продвигать ее интеллектуальную собственность на международной арене? Таким образом, даже в подобном жестко однозначном, категоричном контексте имплицитно может появиться противопоставление, дающее повод для дискутирования.

Выразительным в этом отношении является следующий текст, в котором эксплицитно дискутируется вопрос о правильности интерпретации понятия «истинный патриот», ср.: «У нас почему-то совсем не пишут о том, что славянофилы вышли из гегелианства. Хомяков отлично учился у Гегеля. Именно они с их «мурломками и зипунами» были истинные западники, а **подлинным патриотом** был Белинский. И Лермонтов, написавший «оскорбительные» стихи» (Козинцев). В подобных текстах формируется манипулятивный подход к понятию патриотизма, зарождается идея о том, что чье-то чувство патриотизма, чье-то понимание патриотизма можно поставить под сомнение, одних объявить «лжепатриотами», других же «истинными», одних предать анафеме, других – восхвалять. Но такой подход к пониманию чувства патриотизма, а следовательно, и к самому слову «патриот» может стать одним из механизмов поляризации общества. Так слово «патриот» может превратиться в «слово-оборотень», ср.: «У нас в стране **быть патриотом** – значит / Носить наклейку «**антипатриот**» (Евтушенко).

Словосочетание «истинный патриот» может обрастать специфическими смыслами и постепенно формировать новое, стереотипное для социума, понятие «истинный патриот», которое, однако, весьма существенно может отдаляться от хрестоматийного, канонического понятия «патриотизм», ср. текст ироничного характера: «Любопытно было со стороны наблюдать процесс превращения человека в **подлинного патриота** Отечества. Довольно быстро внешне интеллигентный журналист Голованов стал небрит, запáх резким советским одеколоном и оделся на манер запившего прапорщика, уволенного из армии за хищения лука с солдатского склада в особо крупных размерах. Было очевидно, что если бы не природное Васино скупердьяйство, помешавшее ему снести на помойку чесоточные штаны, старые пластинки и засохший тюбик зубной пасты «Жемчуг», с заданием Родины ему было бы справиться совсем непросто — для начала он попросту не смог бы выйти из дому. Тем не менее следует отметить,

что **подлинный патриотизм** заметно бодрит» («Столица», 13.05.1997). Подобное проявление патриотизма не ново в русской действительности, ср.: *Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх и гостинные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французской табак и стал нюхать русской; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи* (Пушкин).

В НКРЯ зафиксировано множество контекстов, где лексическое значение слова *патриот* вывернуто как бы наизнанку, девальвировано. Такие контексты часто носят иронический либо критический характер, ср.: «*Так вот почему перестали выпускать за границу Маяковского! — на него истинный патриот Гуцин наступал!*» (Лопатин); «*Господин Орехов был большой патриот: кроме как по-русски, других языков не знал и даже сердился, когда предполагали, что мог он научиться какой-нибудь подобной пакости*» (Букша); «*Они с Михаилом Федоровичем шампунями не пользуются, заграничного не переносят. Патриоты. Ни мыла, ни лекарств, ни одежды*» (Улицкая); «*Потом выступали хрипато, / клеймили кого-то за что-то, / и были не просто ребята, / а все, как один, патриоты*» (Семенов); «*Гнушаясь долгой святочной неделей, / родную речь попрал и поборол / лхвой злоуст, кичащийся надменной / и чужеродной кличкой «патриот»*» (Ахмадулина).

Таким образом в русском дискурсе формируются отрицательные коннотации лексемы *патриот* и зарождается своего рода дискуссия относительно как значения слова *патриот*, так и самого понимания патриотизма. Дискурсивное пространство русского языка в этом отношении разделяется на две области: область, где наблюдается тенденция оградить это слово и стоящее за ним понятие от смысловых деформаций, сохранить в первоизданном виде его словарное значение и «чистоту» понятия, и область, где наблюдается обратная тенденция — видеть в этом слове отражение психологии восприятия подобного явления в обществе, а следовательно, «уточнить» и деформировать его лексическое значение, ср.: «*Мне кажется, истинный патриот своей страны должен не только и не столько гордиться ее великим историческим и культурным прошлым, сколько ясно представлять себе все слабые стороны своего народа и не замалчивать их, а искоренять, в первую очередь в себе, а уж затем — в соотечественниках*» (Козлов); «*Чуждый низкопоклонства перед Западом, подлинный и страстный патриот, веривший в могучие силы и величие русского народа, Белинский понимал, что иноязычные слова, в которых имеется настоятельная потребность, не смогут ослабить самобытность русского языка и принизить достоинство русского народа*» (Чуковский); «*А ведь все эти Кукольники не зря получали через Бенкендорфа бриллиантовые перстни. Они должны были прославить империю в веках. Вероятно, Николай считал их дело истинно патриотическим. Прославили же Россию ее подлинные патриоты — Лермонтов, Белинский, Гоголь, Некрасов. Как раз те, кого считали разрушителями патриотизма, клеветниками*» (Козинцев); «*И потому пронзительное «карр!» / звучит для нас как песня патриота*» (Бродский); «*... орать поротно, / решив, что сущность патриота — / преподавание «ура!»*» (Евтушенко).

Таким образом, опираясь на множество примеров употребления, мы можем сделать вывод о том, что в русском дискурсе сформировалась некая среда,

перманентно генерирующая два противоположных типа контекстов со словом *патриот*. Именно это обстоятельство привело к формированию в русском дискурсе дихотомий: патриот – псевдопатриот; патриот – западник / либерал; патриот – националист; патриот – космополит; патриот – демократ, ср.: ▪ «Хотя **«патриоты»** всегда косились на Вознесенского: **западник**. Хотя **«западники»** всегда косились: **патриот**. А он — какой он есть — исповедовался стихами» (Вирабов); ▪ «Аркадий презирал этих людей, внезапно вставших на его пути, **антизападных патриотов на зарплате**» (Салуцкий); ▪ «Все это относится к людям вообще — верующим и атеистам, **патриотам и либералам**» (Худиев); ▪ «Между **патриотизмом** и **национализмом** глубокое различие. В первом — любовь к своей стране, во втором — ненависть ко всем другим» (Лихачёв); ▪ «Внутреннее противоречие между требованиями **истинного патриотизма**, желающего, чтобы Россия была как можно лучше, и фальшивыми притязаниями **национализма**, утверждающего, что она и так всех лучше, — это противоречие погубило славянофильство как учение, но оно же составляет несомненное преимущество старых славянофилов как людей и деятелей, сравнительно с их позднейшими преемниками — **псевдопатриотами**» (Смирнов); ▪ «А я тебе вот что говорю: надоела мне эта **немчура белоглазая!** Я, брат, **патриот** — вот что!» (Салтыков-Щедрин); ▪ «Он прогрессист иль идиот, / **Космополит** иль **патриот**, / По директивам он растет / Или к свободе всех зовет» (Слуцкий); ▪ «... и чем круче на **демократов** / лезут полчища **патриотов**, / тем краснее плоды томатов / и теснее ряды компотов» (Чухонцев).

2. Вербализация понятия «патриотизм» в армянском языке и концепт «патриотизм» в армянском дискурсе

2.1. Сопоставление словарного значения и лексических связей русского слова «патриот» с армянскими лексемами.

Русскому слову *патриот* в армянском языке соответствуют две лексемы — *ազգաշէր* [‘народ’ + ‘любовь’] и *հայրենիշէր* [‘родина’ + ‘любовь’]. К данным лексемам примыкает третья лексема со смежной семантикой — *հայաշէր* [‘армян-’ + ‘любовь’].

Сразу отметим, что преобладающая в армянском языке словообразовательная модель словосложения оказывает существенное влияние как на семантику самих слов, так на характер синонимии, так и на те или иные дискурсивные особенности. Соответственно данные лексемы имеют следующие значения: «любящий свой народ», «любящий родину, преданный своей родине», «любящий армян» (Ազգաշէր – эл. ресурс). Если русское слово *патриот*, в первую очередь в силу своего иноязычного происхождения, имеет затемненную внутреннюю форму, то соответствующие ему армянские лексемы характеризуются прозрачной внутренней формой и эксплицированными семантическими компонентами. Данная особенность армянских лексем не позволяет им наращивать смыслы и развивать эпидигматические отношения. Необходимо отметить, что указанные армянские лексемы в словарях зафиксированы как прилагательные, однако во многих контекстах они субстантивируются и с функциональной точки зрения выступают как существительные. И именно в этом своем качестве они моносемичны, тогда как у слов *հայրենիշէր* [‘родина’ + ‘любовь’] и *հայաշէր* [‘армян-’ + ‘любовь’]

есть и другие значения: «совершаемый с любовью к родине», «совершаемое, произошедшее по причине любви / из любви к армянам».

В отличие от русского языка, в армянском языке у рассматриваемых слов имеется достаточно большое количество синонимов и антонимов. Сочетаемость основ способствует развитию рекуррентности (повторяемости) слов в синонимическом ряду. Наряду с этим синонимический ряд включает слова с различными оттенками значения, следовательно, отличается высокой номинативной плотностью, ср.: *ազգաւեր* [‘народ’ + ‘любовь’ → патриот, патриотичный], *հայրենաւեր* [‘родина’ + ‘любовь’ → патриот], *ազգաշնչաշու* [‘народ + обожание’ → патриот], *հայրենաշնչաշու* [‘родина’ + ‘обожание’ → патриот], *ազգանկեր* [‘народ’ + ‘преданность’ → патриот], *հայրենանկեր* [‘родина’ + ‘преданность’ → патриот], *ազգաւեծար* [‘народ’ + ‘возвеличивание, почитание’ → патриот], *հայրենաւեծար* [‘родина’ + ‘возвеличивание, почитание’ → патриот] (Ամբիւսիւնի – эл.ресурс).

Группа антонимов также довольно многочисленна, ср.: *ազգադաշնակ* [народ + предательство, заговор → предатель], *հայրենադաշնակ* [родина + предательство, заговор → предатель], *ժողովրդադաշնակ* [народ + предательство → предатель], *ազգադրոժ* [народ + предательство, отступничество → предатель], *հայրենադրոժ* [родина + предательство, отступничество → предатель], *ազգաւաճառ* [народ + продажа / продать → предатель], *հայրենաւաճառ* [родина + продажа / продать → предатель], *ազգուրաց* [народ + отречение → предатель], *հայրենուրաց* [родина + отречение → предатель] (см. там же).

Следует отметить, что сочетание основ в композите, с одной стороны, детализирует семантику слова, передает различные оттенки значения, с другой же стороны, формируемые композитами смысловые комбинации в контексте часто нейтрализуются и сводятся к одному, более простому в смысловом отношении и частотному слову, приравниваются к его значению. Таким образом, композиты могут как актуализировать в тексте различные оттенки значения и соответственно оказывать существенное влияние на смысловую организацию текста, так и нейтрализовывать свойственные ему оттенки значения.

Итак, в русском и армянском языках мы наблюдаем принципиально различные пути и способы формирования семантики патриотизма.

2.2. Лексическая сочетаемость и армянские композиты.

В армянских текстах слова *ազգաւեր* и *հայրենաւեր* чаще, чем в русском языке, выступают самостоятельно, без определений. Однако само понятие «патриотизм» (сигнификат данного слова) расширяется чаще и разнообразнее при помощи зафиксированного в толковых словарях большого числа композитов с первыми основами *ազգա-* [народо-] и *հայրենա-* [родино-].

Именно в армянских композитах, с помощью различных комбинаций основ, представляется смысловая палитра того или иного вербализуемого понятия, в данном случае – понятия «патриотизм». Множество всех композитов (как фактических, зафиксированных в словаре, так и потенциальных, легко формируемых в дискурсе) представляет концепт «патриотизм» в армянской языковой картине

мира. В русском же языке данный концепт часто представлен словосочетаниями с рассмотренными нами частотными определениями к слову *патриот*.

Рассмотрим некоторые из композитов, включающие в состав своего лексического значения семантику патриотизма. Распределим слова по группам, согласно доминирующему в их лексическом значении смысловому компоненту / смысловым компонентам, которые, группируясь, образуют некий смысловый узел.

Смысловый узел «любовь к родине / воспевание родины / гордость за родину»: ▪ *ազգապետ* [‘народ’ + ‘любовь’: любящий свой народ, патриот, патриотичный]; ▪ *հայրենասուտ* [‘родина’ + ‘любовь’: любящий свою родину, патриот, патриотичный]; ▪ *հայրենասեծար* [‘родина’ + ‘возвеличивание, почитание’: 1) возвеличивающий, восхваляющий свою родину; 2) приносящий величие, славу своей родине]; ▪ *ազգասեծար* [‘народ’ + ‘возвеличивание, почитание’: 1) возвеличивающий, прославляющий свой народ; 2) приносящий своему народу величие, славу]; ▪ *հայասեծար* [‘армян’- + ‘возвеличивание, почитание’: почитающий, уважающий армян]; ▪ *հայրենամոլ* [‘родина’ + ‘ярый, страстный’: 1) страстный / ярый патриот; 2) националист; *редкое слово*]; ▪ *հայրենապաշտ* [‘родина’ + ‘обожание, поклонение’: обожаящий, почитающий родину]; ▪ *ազգապաշտ* [‘народ’ + ‘обожание, поклонение’: 1) обожаящий, почитающий свой народ; 2) почитаемый своим народом, ставший его кумиром]; ▪ *հայասուտ* [‘армян’- + ‘любовь’: арменofil]; ▪ *հայապաշտ* [‘армян’- + ‘обожание, поклонение’: защищающий армян, армянское; большой патриот армян]; ▪ *հայրենապիտիծ* [‘родина’ + ‘гордиться’: 1) гордящийся своей родиной; 2) приносящий славу своей родине]; ▪ *հայազորունի* [‘армян’- + ‘сильная любовь, милосердие, умиление’: 1) милосердный, как армянин; 2) испытывающий чувство сильной любви, милосердия или умиления к армянам]; ▪ *հայրենակեղ* [‘родина’ + ‘сжигаемый, палимый, мучимый’: озабоченный, мучимый проблемами родины; пылающий любовью к родине]; ▪ *հայրենասաք* [‘родина’ + ‘вкус’: имеющий вкус родины; сладкий, сладостный, как родина; *поэт.*]; ▪ *հայրենազեղզեղ* [‘родина’ + ‘перелив, трель’: воспевающий родину].

Смысловый узел «тоска по родине / стремление, тяга к родине / зов родины»: ▪ *հայրենակարոտ* [‘родина’ + ‘тоска’: 1) тоска по родине; 2) истосковавшийся, тоскующий по своей родине, охваченный тоской по родине]; ▪ *հայրենաքաղց* [‘родина’ + ‘голод’: исголодавшийся по родине]; ▪ *հայրենաքաղց* [‘родина’ + ‘вожделенный’: 1) тоскующий по родине; 2) жаждущий возвращения на родину; обуреваемый желанием вернуться на родину]; ▪ *հայրենաքարուր* [‘родина’ + ‘аромат’: 1) то, от чего пахнет родиной, имеющий аромат родины; 2) то, что напоминает родину, от чего исходит аромат, дыхание родины]; ▪ *հայրենականչ* [‘родина’ + ‘зов’: 1) зов родины; 2) зовущий на родину]; ▪ *հայրենախիհն* [‘родина’ + ‘радость, отрада’: 1) преисполненный радости встречи с родиной; 2) выражающий радость родины]; ▪ *հայրենակնիս* [‘родина’ + ‘ступать, идти’: ступивший на родную землю, ступающий по родной земле]; ▪ *հայրենապապալ* [‘родина’ + ‘томимый жаждой’: томимый жаждой родины, тоскующий по родине]; ▪ *հայրենալիտ* [‘родина’ + ‘жгучий, пламенный’: воспламененный,

обжигаемый любовью к родине]; *▪հայրենափափազ* [‘родина’ + ‘вожделенный, жаждущий’: жаждущий родины].

Смысловой узел «защита, охрана родины / преданность родине / служение родине»:

▪հայրենապահ [‘родина’ + ‘охрана’: 1) охраняющий родину, вставший на защиту родины; 2) охраняющий родной дом]; *▪հայրենապաշտպան* [‘родина’ + ‘защита’: защитник родины / отечества]; *▪ազգապահ / ազգապահպան* [‘народ’ + ‘охрана’, ‘народ’ + ‘защита’: охраняющий, защищающий свой народ]; *▪հայրենանվեր* [‘родина’ + ‘преданность’: 1) преданный родине, беззаветно служащий родине; 2) охваченный любовью к родине, отличающийся беззаветной преданностью родине]; *▪ազգանվեր* [‘народ’ + ‘преданность’: преданный своему народу]; *▪ազգապաշտպան* [‘народ’ + ‘защита’: охраняющий, защищающий свой народ]; *▪հայրենաթուր* [‘родина’ + ‘меч’: служащий родине в качестве меча].

Смысловой узел «исток, душа, дыхание родины / красота, украшение родины / мир родины (родной мир)»: *▪հայրենալուսի* [‘родина’ + ‘исток’: исходящий из родных истоков, истоков родины]; *հայրենազեղ* [‘родина’ + ‘красота’: 1) свойственная чему-то красота родины; 2) являющийся частью красоты родины]; *▪հայրենանճ* [‘родина’ + ‘стиль’: в национальном стиле]; *▪հայունճ* [‘армян’- + ‘стиль’: обладающий армянским стилем, в армянском стиле]; *▪հայրենաշունչ* [‘родина’ + ‘дыхание’: то, чему свойственно дыхание, аромат родины; отечественный, родной]; *▪հայրենանուշ* [‘родина’ + ‘сладкий, сладостный’: сладостный, сладкий, как родина]; *▪հայսահնգի* [‘армян’- + ‘душа’: тот, у кого душа армянина, армянская душа]; *▪հայսահնու* [‘армян’- + ‘запах’: с душой армянина, свойственный армянину, армянский]; *▪հայսաշունչ* [‘армян’- + ‘дыхание’: тот, у кого армянский дух]; *▪հայսաշուր* [‘армян’- + ‘великолепие’: с армянским великолепием]; *▪հայսաիրտ* [‘армян’- + сердце: с сердцем армянина, чувствующий как армянин]; *▪հայսաթուր* [‘армян’- + ‘цвет, оттенок’: 1) с армянским оттенком; 2) свойственный армянам]; *▪հայսաշարհ* [‘армян’- + ‘мир’: 1) армянский мир, страна армян; 2) армянская среда]; *▪հայսաշարհիկ* [‘армян’- + ‘мир, свет’: свойственный армянскому миру, армянский].

Смысловой узел «созидание во имя родины / выгода, польза для родины / интересы родины»: *▪հայրենակերտ* [‘родина’ + ‘созидающий, созидательный’: строящий, созидающий, благоустраивающий родину]; *▪հայրենաշէն* [‘родина’ + ‘строить’: созидающий, благоустраивающий родину, способствующий созиданию родины]; *▪ազգակաշնույց* [‘народ’ + ‘строить’: улучшающий состояние народа, приносящий благоденствие народу]; *▪ազգաշէն* [‘народ’ + ‘строить’: приносящий благоденствие народу, полезный для народа]; *▪հայրենաշահ* [‘родина’ + ‘выгода’: полезный, выгодный для родины]; *▪հայրենօգուտ* [‘родина’ + ‘польза’: полезный для родины]; *▪ազգաշահ* [‘народ’ + ‘выгода’: выгодный, полезный для народа]; *▪ազգախնամ* [‘народ’ + ‘опека’, *арх.*: 1) заботящийся о своем народе; 2) опекающий нуждающихся из своего народа].

Смысловой узел «родная речь как неотъемлемая часть родины, армянства, армянского мира»: ▪ *հայրենիք* / *հայրենիքիրք* [‘родина’ + ‘наречие, язык’: сказанный, написанный на родном языке]; ▪ *հայրենիքի* [‘родина’ + ‘говорящий’: 1) говорящий, пишущий на родном языке, наречии; 2) сказанный, написанный на родном языке; 3) говорящий, рассказывающий о родине]; ▪ *հայտնիք* [‘армян’- + ‘буква’: написанный армянскими буквами, по-армянски].

Таким образом, перед нами предстает богатая смысловая палитра армянского концепта «патриотизм». В этом множестве смысловых оттенков выделяются смысловые узлы, которые и представляют общий контур армянского концепта. Сами слова *ազգայն* и *հայրենիք*, соответствующий концепт в армянской языковой картине мира, патриотизм как нравственное чувство и как характеристика эмоционального состояния личности воспринимаются в армянском языковом сознании прежде всего через такие понятия, как любовь, гордость, тоска, зов (родины), защита, преданность, служение, созидание, воспевание, речь, буквы (алфавит).

Выше мы постарались описать лексическую сочетаемость русского слова *патриот* и сочетаемость основ армянских композитов, выражающих те или иные стороны явления «патриотизм». Если словари описывают семантику этих слов довольно схематично и лаконично, то сочетаемость их с другими словами и комбинации основ в композитах дают представление о том, какие именно стороны данного явления чаще всего актуализируются в том или ином языке.

Мы уже отметили те понятия, через которые в армянском языковом сознании предстает человек, любящий свою родину – патриот. Еще более схематизируя и обобщая восприятие и выражение явления «патриотизм» в армянском языке, подчеркнем, что в нем, как правило, выделяется созидательное начало, такие положительные эмоции, как любовь, гордость, преданность, созидание, а также тоска (*կարոտ*), которая в армянском языковом сознании часто воспринимается как светлое и даже жизнеутверждающее чувство (см. об этом в Грдзелян 2013). Примечательно с этой точки зрения, что в толкования слов *ազգայն* и *հայրենիք* не включается семантический компонент ‘жертвенность’, присутствующий в русских толкованиях, ср.: «любовь к своему отечеству и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины» (Ефремова – эл.ресурс).

В русском языковом сознании явление «патриотизм» часто увязывается с негативными эмоциями, с «противоборством», ср.: истинный патриот – ложный патриот; патриот – западник / либерал; патриот – националист; патриот – космополит; патриот – демократ. Такое последовательное обращение именно к подобным темам, доминирование их в русском дискурсе ведет к деформации первоначального понимания патриотизма как любви к родине, что в свою очередь образует «зазор» между словарным толкованием лексемы *патриот* и актуализируемыми в дискурсе смыслами.

2.3. Армянский «патриотический» дискурс.

Подобное толкование патриотизма, характерное для русского дискурса, не наблюдается в армянском, который принципиально отличается с точки зрения

интерпретации патриотизма как социального и индивидуального проявления данного психологического явления. Армянское языковое восприятие патриотизма остается в рамках канонического, традиционного и стереотипного его представления как исключительно приветствуемой, поощряемой обществом модели поведения – проявления любви к своей родине, стране, народу, преданности, защиты их интересов и свобод.

Во-первых, в армянских текстах, в армянском дискурсе лексемы *ազգասեր* и *հայրենասեր* чаще выступают без определений, ср.: «Ուրեմն դուք **ազգասեր** եք» /Նար-Դոս/; «Նա ասաց այն, ինչ որ պիտի ասեր մի **հայրենասեր**» /Բ. Դեմիրճյան/; «Լինել արքա, լինել տիրակալ դեռևս չի նշանակում լինել նաև **հայրենասեր**» /Գ. Գուրգադյան/; «Կան այրեր **հայրենասեր**» /Դերիկյան/; «Ինչ կարող ես անել մարդը **հայրենասեր** է, **հայրենասիրությունը** միշտ է լավ բան» /Հր. Մարթնոսյան/:

Еще раз отметим, что в армянском языке рассматриваемые лексемы являются адъективами, которые, однако, нередко субстантивируются. В отдельных случаях на русский язык их можно перевести двояко – и как «патриот», и как «патриотичный», что в целом не оказывает существенного влияния на формируемые в текстах смыслы, ср., словосочетание «*այրեր հայրենասեր*» можно перевести и как «патриотичные мужи», и как «мужи-патриоты». Ср. также: «25 տարի ւրանից առաջ մեր բազմերախտ թարգմանչի վանքի ամեն մի խարխուլ քարն **ազգասեր հայի** աչքն էր ծակում» /Պ. Պոռոջյան/; «Հոգով եւ մտքով շարունակել է մնալ **ազգասեր հայ**, իսկ լեզվից առատորեն բուրել է Վանը» /Ազգ, 2008.07.12/.

Частотные определения к словам *ազգասեր* и *հայրենասեր* в некоторой степени определяют доминирующие в армянском дискурсе смыслы. Это в основном группа определений с семантическим компонентом ‘выдающийся в каком-либо отношении’, ср.: *շատ* «очень», *մեծ* «большой», *ջերմ* «горячий», *թունդ* «крепкий», *կույր* «слепой», *ծայրահեղ* «крайний», *մոլի* «яростный», *մոլեռանդ* «фанатичный». Таким образом, в армянском дискурсе доминируют смыслы, выражающие меру и степень патриотизма. Дихотомия «истинный – ложный» присутствует в малой степени и выражается определением *իսկական* «настоящий». Ср. примеры употребления: «Ասում են, որ նա այժմ **ազգասեր է** և **թունդ ազգասեր**» /Պ. Պոռոջյան/; «Մարտում զոհվում են շատերը, նրանց թվում նաև **մեծ հայրենասեր** Վարդան Մամիկոնյանը» /Ս. Մարգարյան/; «Խիստ դիպուկ է **մեծ հայրենասեր** ու **ջերմ ազգասեր** Խրիսյանի պատասխանը» /Խ. Բաղիկյան/; Ср. также окказиональные случаи интенсификации признака: «**Ազգասեր էր հայրիկը / Օխոտը թագավորի չափ...**» /Շիրազ/:

Армянский и русский «патриотические» тексты принципиально различны по своей смысловой организации. Нам представляется, в этом немаловажную роль играет то обстоятельство, что у русского слова *патриот* практически отсутствуют синонимы, тогда как аналогичные армянские слова представлены богатыми синонимическими рядами.

Являясь концептуальным целым, синонимический ряд оказывает существенное влияние на смысловую организацию текста, с неизбежностью привнося в него все смысловые нюансы, заключенные в едином концепте. Эти смысловые нюансы могут быть представлены в тексте как имплицитно, так и эксплицитно. Сами синонимичные слова в этом отношении могут несколько отличаться друг от друга. Так, среди синонимов есть слова, которые склонны к самостоятельному употреблению в тексте. Это, как правило, слова, наиболее частотные, нейтральные, отражающие смысловую основу ряда. В противоположность им слова, как правило, менее частотные, имеющие специфические, более детализированные смысловые элементы «тянут» за собой в текст синонимы или тематически смежные слова, а также слова, тематически не смежные, но характеризующие субъект в том же отношении, что и слова-синонимы (о роли синонимического ряда в тексте см. также в Черняк).

Представим подобные тексты, в которых армянские слова *ազգասեր* и *հայրենասեր* выступают и как субстантивы («патриот»), и как адъективы («патриотичный»). Так, данные слова (а также лексема *հայասեր*) часто употребляются в тексте попарно, одновременно и взаимно усиливая свою семантику, но и объединяя два отдельных концепта – концепты «народ» и «родина», ср.: «Հասերգից մեկ օր առաջ նա խորհրդակցեց իր ամուսնու՝ **հայրենասեր ու ազգասեր** Հարություն Հարությունյանի հետ՝ մի նվեր անելու երեկոյի ընթացքում» /Ազգ, 2005.11.23/; «**Ազգասեր, հայասեր** խոսքը, որ մեր օրերում սաստիկ տարածված է մեր մեջ, հայի բերանումը նույն ծիծաղաշարժ նշանակությունը ունի, ինչ որ հարյուր հազարը կամ միլիոնը մի մուրացիկ աղքատի բերանումն» /Ռ. Պատկանյան/: Ср. также редкий случай антонимического контекста: «Արամ, դու **կույր ազգասեր ես, ոչ հայրենասեր**: Կուսակիցներիդ հետ Հայաստանը կսիրեք, ինչպես չղջիկը՝ խավարը: /Ռ. Կարայան/:

Таким образом, идеографические синонимы / квазисинонимы *ազգասեր* и *հայրենասեր* в дискурсе часто являются лексическими склейками, функционально приближенными к слову и взаимодополняющими свою «общую» лексическую семантику. Это своего рода дискурсивные «полуфабрикаты», которые легко «монтируются» в речь (см. о лексических склейках в Грдзелян 2017, сс.31-45).

Смысловая структура армянского «патриотического» текста, как правило, характеризуется следующими смысловыми компонентами – любовь, преданность, защита, созидание во имя родины, народа. В «патриотическом» тексте обычно отсутствуют такие смысловые компоненты, как противопоставление «свой – чужой», неприятие чужого. Сказанным обусловлено также расширение в подобных текстах понятия «патриотизм» с помощью синонимов и тематически близких слов, ср.: «Քսանդոջ տարի ծառայեց **հայրենանվեր ու ազգասեր** մարդը» /Ռ. Ղազանյան/; «**Ազնիվ, հայրենասեր** աղջիկ է» /Բ. Այվազյան/; «**Հայրենասեր, քաջ** մարդիկ են» /Հ. Մկրտչյան/; «Վեց **խիզախ** ու **հայրենասեր** աղջիկներ են նրանք» /Ավանգարդ, 1941.08.13/; «Նա ամբողջ քաղաքում հռչակված էր **ազգասեր, բարերար** և **հասարակական շահերի անկեղծ նախանձախնդիր...**» /Շիրվանզադե/; «Վազգեն Մարգարյանի նման **հերոսներ, ազգասեր, հայրենասեր** մարդիկ ծնվում են երեւի 100 տարին մեկ անգամ»

/Առաւօտ, 2003.04.23/; «Լինելով **հայրենասեր ու ազգասեր յուրահատուկ անհատականություն**, Մարատ Ջանվեյյանը կարեւորում է հայազգի առողջ սերնդի զարգացումը» /Առաւօտ, 2007.12.27/; «Մեծ ծառայություններ է արել եկեղեցուն, շատ ապրի, չափազանց բարեպաշտ և ազգասեր մի անձն է» /Գաֆֆի/; «Հրաշալի անձնավորություն է՝ **ազգասեր, հայրենասեր, ակտիվ մտավորական բռնիս ամենալայն իմաստով**» /Ե. Կարախանյան/; «Գրքում կարեւորվում է **հայոց հանրային գաղափարախոսությունը**. այն բխում է **մեր ակունքներից**, իմաստավորվում **նժդեհյան ազգասեր մտքով** ու առաջնորդվում նոր ժամանակների հրամայականով» /Առաւօտ, 2003.02.19/; «Կեղծավորի մի աստղ էր, / Որ ձևացավ ամբողջ կյանքում / **Առաքինի, ազգասեր**» /Հ. Թումանյան/; «Հայոց մարդասիրական ճեմարանի ազնուահոգի եւ հայրենապաշտ հիմնադիրները ...» /Ազգ, 2004.09.09/:

Выводы

Конечно же само явление патриотизма, многоплановое и состоящее из множества компонентов, универсально, свойственно отдельной личности и всем народам. Однако именно в силу своей многоплановости и многокомпонентности в разных социумах, у разных народов, в разных языках оно акцентирует, актуализирует разные свои проявления. Так, рассматриваемые нами слова в русском и армянском языках, обозначая как будто бы универсальное, свойственное человеку в целом, явление патриотизма, выделяют разные его аспекты, предстают как два совершенно разных концепта патриотизма. Конечно же, языки способны выразить и выражают все стороны какого-либо явления, однако отдают предпочтение только некоторым из них. Следовательно, речь идет не о способности того или иного языка выразить те или иные стороны явления, а именно о предпочтении вербализовывать, лексикализировать и стандартизировать только его отдельные аспекты.

ROUZAN GRDZELYAN – On the Question of Typological Description of Interlinguistic Synonyms "Russian" Word Patriot: Meaning and Sense in the Mirror of Armenian Lexikal Matchings – The article is devoted to the comparative lexical-semantic and discursive analysis of the word and concept "patriot" in Russian and Armenian languages. A study of many texts with this lexeme allowed us to conclude that there are large discrepancies between the Russian word "patriot" and similar Armenian words – both in semantics, lexical paradigmatics, and in discursive properties. Thus, in the Russian language the word "patriot" does not differ in the diversity of paradigmatic and lexical-paradigmatic connections. In the Armenian language, where the word-formation model of word composition dominates, there is a fairly large number of synonyms and antonyms. The compatibility of the bases contributes to the development of recurrence of words in the synonymous series. Along with this, the synonymous series includes words with different shades of meaning, therefore, it is distinguished by high nominative density. Thus, we are presented with a rich semantic palette of the Armenian concept of "patriotism". In this multitude of semantic shades, semantic nodes stand out, which represent the general outline of the Armenian concept.

The concept of "patriot" manifests itself differently in Russian and Armenian discourses. Thus, in Russian discourse, the opposition "false patriot – true patriot" is formed, which does

not so much clarify the meaning of the said phrase as it gives rise to a “controversy”, “dispute” around it, and sometimes calls into question the generally accepted, dictionary understanding of what is considered true patriotism. Thus, negative connotations of the lexeme “patriot” are formed in Russian discourse and a kind of discussion is born regarding both the meaning of this word and the very understanding of patriotism. The discursive space of the Russian language in this regard is divided into two areas: an area where there is a tendency to protect this word and the concept behind it from semantic deformations, to preserve its original dictionary meaning and the “purity” of the concept, and an area where the opposite tendency is observed – to see in this word a reflection of the psychology of the perception of such a phenomenon in society, and, consequently, to “clarify” and deform its lexical meaning. This interpretation of patriotism, characteristic of Russian discourse, is not observed in Armenian, which is fundamentally different in terms of the interpretation of patriotism as a social and individual manifestation of this psychological phenomenon. The Armenian linguistic perception of patriotism remains within the framework of its canonical, traditional and stereotypical presentation as an exclusively welcomed, socially encouraged model of behavior – a manifestation of love for one’s homeland, country, people, devotion, protection of their interests and freedoms.

Keywords: *functional semantics, discourse, enantiosemy, lexical compatibility, combinatorics of bases, concept.*

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова, З.Е., 2011. *Словарь синонимов русского языка. Практический справочник.* URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index.htm> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Грдзелян, Р.Р., 2013. Концепт «тоска» в армянской и русской лингвокультурах. В кн.: *Лингвистические исследования.* Вып.4, Ереван, сс.43-54.
- Грдзелян, Р.Р., 2017. Лексические склейки в русском дискурсе. *Русский язык в Армении*, 3, сс.31-45.
- Даль, Вл., *Толковый словарь живого великорусского языка.* URL: <https://slovardalja.net/> [дата обращения 18. 07. 2025]
- Ефремова, Т.Ф., *Толковый словарь русского языка Ефремовой.* URL: <https://www.efremova.info/> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Лебедев, А.А., Коханова, Л.А., 2015. Понятие «патриотизм» в современном прочтении: этимология и семантика. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*, 1(12) URL: <https://surl.lu/xjctfq> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю., *Толковый словарь русского языка.* URL: <https://ozhegov.info/slovar/> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Словарь русского языка (МАС).* URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Супрунова, Е.В., *Языковая реализация понятия «патриотизм» в русском и английском языках.* URL: <https://surl.li/saarcy> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Тришин, В.Н., 2013. *Словарь синонимов.* URL: <https://surl.lt/yaiss> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Ушаков, Д.Н., *Толковый словарь.* URL: <https://ushakovdictionary.ru/> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Фасмер, М., *Этимологический словарь.* URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> [дата обращения: 18. 07. 2025]
- Черняк, В.Д., *Реализация семантического потенциала синонимического ряда в тексте.* URL: <https://surl.li/vpubkz> [дата обращения: 18. 07. 2025]

- Աղալյան, Է.Բ., *Արդի հայերենի բացատրական բառարան*: URL: <https://surl.li/lquwvm> [дата обращения: 18. 07. 225]
- Սուրիալյան, Ա.Մ., *Հայոց լեզվի հոսանիշների բացատրական բառարան*: URL: <https://surli.cc/tnbzb> [дата обращения: 18. 07. 2025]

REFERENCES

- Aleksandrova, Z.E., 2011. *Slovar' sinonimov russkogo jazyka. Prakticheskij spravochnik [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Practical Reference]*. URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index.htm> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Grdzelyan, R.R., 2013. Koncept "toska" v armjanskoj I russkoj lingvokulturakh [The Concept of "Longing" in Armenian and Russian Linguistic Cultures]. In: *Lingvisticheskiye issledovanija*. Vol. 4, Yerevan, pp.43-54. (in Russian).
- Grdzelyan, R.R., 2017. Leksicheskije sklejki v russkom diskurse [Lexical glues in Russian discourse]. *Russkij jazyk v Armenii*, 3, pp.31-45. (in Russian).
- Dal', VI., *Tolkovyy slovar' zhyvago velikorusskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]*. URL: <https://slovardalja.net/> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Yefremova, T.F., *Tolkovyy slovar' russkogo jazyka Yefremovoj [Explanatory Dictionary of the Russian Language by Efremova]*. URL: <https://www.efremova.info/> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Lebed'ev, A.A., 2015. Kokhanova, L.A., Pon'atije "patriotizm" v sovremennom prochtenii: etimologija I semantika [The Concept of "Patriotism" in a Modern Reading: Etymology and Semantics]. South Ural State University Bulletin. Series «Linguistics». URL: <https://surl.li/xjctfq> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Natsional'nyj korpus russkogo jazyka (NKRYa) [Russian National Corpus]* URL: <https://ruscorpora.ru/new/> [Accessed: 10 January 2024]. (in Russian).
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu., *Tolkovyy slovar' russkogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]* URL: <https://ozhegov.info/slovar/> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Slovar' russkogo jazyka /MAS/ [Russian Language Dictionary]*. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Suprunova, E.V., *Yazykovaja realizacija pon'atija "patriotizm" v russkom i arm'anskom jazykach [Linguistic Realization of the Concept of "Patriotism" in Russian and English Languages]*. URL: <https://surl.li/saarcy> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Trishin, V.N., *Slovar' sinonimov [Dictionary of Synonyms]*, 2013. URL: <https://surl.lt/yzaiss> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Ushakov, D.N., *Tolkovyy slovar' [Explanatory Dictionary]*. <https://ushakovdictionary.ru/> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Fasmer, M., *Etimologicheskij slovar' [Etymological Dictionary]*. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Chern'ak, V.D., *Realizacija semanticheskogo potenciala sinonimicheskogo r'ada v tekst'e [Realization of the Semantic Potential of a Synonymous Series in the Text]*. URL: <https://surl.li/vpubkz> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).
- Aghajan, E.B., *Ardi hajereni bacatrakan bararan [Explanatory Dictionary of the Modern Armenian Language]*. URL: <https://surl.li/lquwvm> [Accessed: 18. 07. 225] (in Russian).
- Suqiasjan, A.M., *Hajoc lezvi homanishneri bacatrakan bararan [Armenian Language Explanatory Dictionary of Synonyms]*. URL: <https://surli.cc/tnbzb> [Accessed: 18. 07. 2025] (in Russian).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ЛИЛИТ ЗОЛЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. Динамические изменения во всех сферах общественной жизни, вызванные появлением и развитием цифровых технологий, затронули также язык науки, существенно повлияв на процессы терминологизации и детерминологизации. В статье эти два взаимосвязанных процесса рассматриваются на примере терминосистемы психологии, которая в силу ряда причин по сей день является малоизученной с лингвистических позиций. Поскольку тип научной рациональности влияет на терминологический аппарат той или иной сферы научного знания, терминосистема психологии близка лексике общелитературного языка. Этим обусловлен тот факт, что значительное число терминов психологии составляют слова, подвергшиеся семантической конверсии и получившие новое – терминологическое содержание. С другой стороны, термины психологии достаточно легко проникают в повседневную коммуникацию, в частности, в интернет-дискурс, порождая новую речевую реальность, нуждающуюся в изучении. Этим обусловлена актуальность исследования. В статье рассматриваются семантические трансформации, которые претерпевает языковая единица при переходе из общелитературной лексики в язык для специальных целей в результате семантической конверсии, исследуется обратный процесс – детерминологизация терминов. В связи с этим также возникает вопрос о возможности коннотативного использования терминов, который считается открытым для исследований в области терминоведения. Анализируются примеры использования терминов в повседневной коммуникации, в частности, в социальных сетях и поп-психологии.

Ключевые слова: терминологизация, детерминологизация, семантическая конверсия, терминосистема психологии, коннотации.

* **Лилит Золян** – кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка, заместитель декана - руководитель офиса факультета русской филологии ЕГУ

Lilit Zolyan – Ph.D, Associate professor Chair of the Russian language, Deputy Dean - Head of Office Faculty of Russian Philology, YSU

Լիլիթ Զոլյան – քանասիրական գիտությունների թեկնածու, Ռուսաց լեզվի ամբիոնի դոցենտ, Ռուս քանասիրության ֆակուլտետի գրասենյակի ղեկավար - ղեկանի տեղակալ, ԵՊՀ

Эл. почта: lilit.zolyan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0000-2912-5892>

Введение

Развитие информационных технологий и их стремительное проникновение в повседневную жизнь человека неизбежно приводят к изменениям во всех сферах общественной жизни. Язык, который служит основным инструментом передачи информации, формирования культуры, хранения социального опыта, также достаточно быстро реагирует на эти изменения. Язык науки, или как его принято называть, язык для специальных целей, не остаётся в стороне от общих языковых тенденций и процессов. Если ещё в середине прошлого века можно было наблюдать бурное развитие науки и техники, и как следствие этого, активный рост числа терминов, многие из которых так и оставались в пределах своей узкоспециальной сферы фиксации, то уже к концу прошлого столетия всё чаще звучала мысль о том, что наблюдается тенденция более активного использования научных терминов не только в научном дискурсе, но и в повседневной коммуникации. Некоторые исследователи стали говорить о так называемой терминологической экспансии, другие справедливо указывали на заметный процесс интеллектуализации лексики. Язык науки достаточно быстро переставал быть «заговором посвящённых» (Б. Шоу), каким он являлся многие столетия.

Появление и широкое распространение Интернета и, как следствие, колоссальное значение социальных сетей в жизни среднего носителя языка, привело к кардинальным изменениям в социальной жизни, а эти изменения, в свою очередь, отразились на развитии языка и его подсистемы – языка науки. Можно с определенной уверенностью говорить о том, что терминологический аппарат логико-математических, естественно-научных, инженерно-технических и технологических наук в силу предметной специфики соответствующего типа науки продолжает сохранять некоторую автономность. Однако это утверждение не распространяется на социально-гуманитарную область знаний, поскольку здесь «любые вещи рассматриваются в их ценностно-смысловом аспекте, т.е. сквозь призму оценки человеком» [Котов и др., 1988, с.30]. Иными словами, антропоцентрическая направленность гуманитарного знания привела к росту интереса к этой области науки, а сложность объекта, изучаемого в рамках этого направления, делает практически невозможным его описание формализованным языком, способствует близости к обиходному языку. Сказанное особенно наглядно проявляется в терминологии психологии, поскольку предметом современной науки о психике являются процессы отражения человеком объективной реальности в форме ощущений, восприятия, эмоций, чувств, настроений и др. Многогранность изучаемого предмета, сложная гамма чувств, переживаний, психологических состояний и разнообразие проявлений всего вышеперечисленного во внешнем мире в виде характера, темперамента, форм поведения – всё это придало специфические особенности терминологической системе данной науки. Объект изучения психологии предопределил большую степень близости ее терминологического аппарата лексике общелитературного языка. Этот же фактор играет роль в том процессе, который можно наблюдать сегодня – значительное использование терминов психологии в повседневной коммуникации.

Постановка проблемы

В современном терминоведении достаточно широко представлен процесс терминологизации (семантической конверсии) общеупотребительных слов и переход их из разряда бытовой лексики в терминологическую. Проблемы терминологической номинации рассматриваются в работах В.М. Лейчика [1986], А.В. Суперанской и др. [2003], В.П. Даниленко [1977]. Однако эти исследования в большинстве своём опирались на изучение особенностей естественно-научных и технических терминов, отражающих определённый тип научной рациональности. Так, по мнению С.А. Лебедева, для логико-математической рациональности характерны «идеальная предметность, конструктивная однозначность, формальная доказательность, аналитическая верифицируемость», для естественно-научной рациональности характерны «эмпирическая предметность, частичная логическая доказательность, опытная верифицируемость», для инженерно-технической рациональности – «“вещная” предметность, эмпирическая проверяемость, системная надёжность, практическая эффективность» [Лебедев, 2007, с.16]. Указанные характеристики накладывают отпечаток на термины этих областей знания. Естественно-научные и технические термины отличаются большей точностью, однозначностью, системностью в силу своей предметной специфики. Что касается терминов социально-гуманитарных наук, то им не всегда даются строгие определения, происходит постепенное наращивание смысла, наличие множества концепций приводит к постоянному расширению и изменению семантики терминов. Сказанное в значительной степени относится к вербальному аппарату психологии – стремительно развивающейся и относительно молодой науки, поскольку время формирования психологии как отдельной дисциплины определяется концом XIX – началом XX в., когда стало возможным «вычленив собственно психологическую проблематику в качестве предмета, требующего специального исследования и с помощью специальных методов» [Свенцицкий, 2009, с.345]. Терминологический аппарат психологии находится в постоянном процессе развития: пополнения новыми терминами, уточнения, конкретизации значения уже имеющихся терминов и т.п. Несмотря на значительные достижения в области современного терминоведения, наличия глубоких теоретических исследований и практического изучения терминов той или иной области знания, терминосистема психологии относится к числу малоизученных. Этим определяется актуальность нашего исследования.

Цель данной статьи – выявить изменения в семантике и лексических характеристиках общелитературного слова, происходящие в результате его терминологизации, а также проследить обратный процесс перехода термина в повседневный дискурс в результате частичной или полной детерминологизации. Источником иллюстративного материала послужили специальные психологические словари и популярные социальные сети, в которых пользователи обсуждают различные психологические проблемы в рамках получившей большое распространение поп-психологии.

Основная часть

1. Терминологизация (семантическая конверсия) слов общелитературного языка

Формирование любой терминосистемы можно представить в виде поиска необходимой информации, основанной на имеющихся профессиональных знаниях и языковом опыте, и закреплении этой информации в языковом знаке, термине, который обладает способностью выражать специальное понятие и логическое определение. При этом термин обладает всеми семантическими и формальными признаками слов и словосочетаний естественного языка, но функционирует в языке для специальных целей. Терминосистема вписывается в определение литературного языка и выступает как отдельная подсистема его лексики, которой присущи все лексико-семантические и структурные характеристики. При таком понимании терминосистемы совершенно естественными становятся процессы терминологизации слов, пополняющих системы терминов. Огромный пласт общелитературных слов, таких как *боль, вера, воля, воспоминание, гнев, любовь, память, поведение, радость, разочарование, сон, страх, утомление, тревога, ярость* и др., вошёл в терминосистему психологии в результате терминологизации – сложного процесса семантической конверсии, вследствие которого лексическая единица, пройдя этап переосмысления, сужения значения становится обозначением научного понятия – особой структуры знания, отражающей научные представления о мире. По мнению Э.А. Сорокиной, процесс терминологизации – это сложная трансформация обыденного слова в специальную лексическую единицу – термин:

Переходу слова из общеупотребительной сферы в специальную сферу способствует осознание специфики понятия как самостоятельного явления, а не его представление. Между термином и общеупотребительным словом находится территория, занимаемая прототерминами, т.е. еще не терминами, но уже и не обыденными словами. Пограничная территория, находящаяся между словом и термином, — это та область, где происходит изменение смысловой структуры слова [Сорокина, 2007, с.3].

Слова являются обозначениями общеупотребительных представлений, прототермины являются обозначениями специальных представлений, а термины — обозначениями специальных понятий.

Семантическая конверсия является весьма продуктивным способом терминообразования в психологии, как, впрочем, и в других научных областях. При семантической конверсии слово из общелитературного языка переходит в разряд терминов, частично сохраняя ту информацию, которую оно содержало в повседневном использовании, и которая, собственно, и послужила основанием для того, чтобы именно эта лексическая единица стала языковым субстратом, на который «наслаивается» терминологическое значение. При этом слово, становясь термином, как правило, может утратить часть свойств, присущих ему в общелитературном языке, подчиняясь строгим требованиям, предъявляемым термину. Так, у термина, образованного на базе общелитературного слова, в той или иной системе терминов могут отсутствовать характерные для слова отношения, такие как синонимия, антонимия, полисемия. Как правило, термин лишается коннотаций, экспрессивности. Но взамен этого он приобретает способность являться

носителем и выразителем научного знания, обладает логической выверенностью, занимает свое место в общей системе терминов. Значение термина уточняется, сужается, конкретизируется. Об этом процессе много сказано в терминоведении, поэтому здесь мы остановимся только на примере терминологизации одного общелитературного слова, пополнившего научный арсенал психологии. Для этого сравним толкование слова *радость* с дефиницией термина психологии *радость*.

РАДОСТЬ - 1. Весёлое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. Испытывать радость. Доставить радость. Вне себя от радости (очень рад). С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью). 2. То, что (тот, кто) вызывает такое чувство. Радости жизни. Дети — радость матери. Радость ты моя! (часто в обращении). 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство. В семье радость: приехал сын. Случилась большая радость. • На радостях (разг.) по случаю радости, удачи. Погуляем на радостях. С какой радости? (разг. неодобр.) чего ради, почему [Ожегов, 2021, с.516].

Как видим, в общелитературном языке слово *радость* многозначно. Оно содержит оценочный компонент, обладает экспрессивностью, стилистической маркированностью.

В психологии *радость* определяется как базовая положительная эмоция, возникающая в ответ на удовлетворение актуальной потребности или при достижении значимой цели. Это кратковременное состояние высокой интенсивности, которое сопровождается чувством удовлетворения, душевного подъема и психологического благополучия. Можно сказать, что термин *радость* однозначен, лишен экспрессивности. Сферой его употребления является язык для специальных целей. По своему определению термин не может обладать коннотативным значением, поскольку его функция – передавать научные знания о том или ином явлении, а не субъективную оценку. Может сложиться впечатление, что термин *радость* обладает коннотативным значением, поскольку определяется как «положительная» эмоция. По мнению В.Н. Прохоровой «в семантической структуре терминов всех терминосистем могут наличествовать также и коннотации – определенные семантические наслоения, а именно – образность, эмоциональность и экспрессивность» [Прохорова, 1983, с.8]. На данном этапе развития терминоведения вопрос коннотативности терминов остаётся открытым для дальнейшего изучения. В нашем понимании, оценочный компонент появляется в семантической структуре термина в процессе его детерминологизации, перехода из сферы науки в сферу повседневного общения. Само же определение радости как «положительной» эмоции, является частью классификации терминов, обозначающих чувства, эмоции, настроения, в основе которой лежит дифференциальный признак в рамках бинарной классификации эмоций (положительные vs отрицательные), заложенный в основу психических процессов, протекающих «в форме переживаний и отражающих личную значимость и оценку внешних и внутренних ситуаций для жизнедеятельности человека» [Маклаков, 2009, с.393]. Следующее, что необходимо отметить при сравнении слова *радость* и термина *радость* – это то, что толкование общеупотребительного слова намного шире дефиниции термина. В дефиниции отражаются только признаки, релевантные данной области знания. Сочетаемость возможностей общеупотребительных

слов и терминов также отличаются: *испытывать радость, доставить радость, быть вне себя от радости* (очень рад). С радостью помогу. Случилась большая радость. На радостях (разг.), по случаю радости. Погуляем на радостях. С какой радости? и т.д.

В сфере функционирования термина встречаются терминологические словосочетания, такие как *психология радости, плюсы и минусы «системы радости», «учить» радости, радостные переживания*. Желание искусственно поддерживать человека в состоянии радости используется в контексте «*токсичный позитив*», что невозможно в общелитературном языке, если слово *радость* используется в своем прямом значении.

В другой работе нами высказывалось предположение о том, что русские по происхождению слова активно пополняли терминосистему психологии на начальном этапе её формирования, когда остро стояла проблема терминологической номинации. Более того, нами была отмечена определённая закономерность употребления русских слов, подвергшихся терминологизации, которая, на наш взгляд, сводилась к следующему: эксплицитные проявления человеческих чувств, эмоций, состояний, личностных качеств, которые доступны наблюдению любого человека и не нуждаются в инструментальном исследовании, как правило, выражаются русскими словами, такими, как *безволие, безумие, беседа, беспокойство, бессилие, бесчувствие, блаженство, боль, бред, вера, вживание, вина, власть, влечение, внимание, возбуждение, возраст, воля, воображение, воодушевление, воспитание, восприятие, восторг, высокомерие, вялость, гнев, горе, готовность, грех, грубость, движение, детство, дремота, дружба, задатки, запах, запоминание, игра, лепет, лживость, любовь, мечта и т.д.* Что касается имплицитных проявлений, всевозможных нарушений, отклонений, болезней, т. е. того, что исследуется в клинических или лабораторных условиях, с применением диагностических и измерительных средств, то они в основном обозначались при помощи заимствованных терминов [Золян, 2022, с.74].

2. Процессы заимствования терминов и их транстерминологизации

Психология не осталась в стороне от общей тенденции, которая коснулась значительной части сфер научного и технического знания. Речь идёт о тенденции заимствования новых терминов из английского языка: *бихевиоризм, аффилиация, брейнсторминг* (в некоторых словарях *брейништурминг*), *драйв, импринтинг, груминг, имидж, контент-анализ, копинг, рейтинг, рекрутмент, релизер, стресс, инсайт, тест, тренинг, фрейм* и т.д.

Заимствования являются достаточно распространённым способом терминологической номинации, активно пополняющим терминосистему психологии. Многие из заимствованных языковых единиц используются в нескольких областях знания, проходя этап переосмысления. В нашем случае это термины, ставшие элементами терминологического аппарата психологии путем транстерминологизации – перехода готовых терминов из одной области науки в другую с частичным или полным переосмыслением, например, *инертность, стресс* – перешли в психологию их физики. *Абулия, алалия, делирий, дисфория, суггестия, фрустрация, ятрогения* и т.д. представляют собой примеры заимствованных терминов, большая часть которых не упоминается в толковых словарях русского языка. Это свидетельствует о том, что они были заимствованы в качестве

терминов, и не используются в языке в ином, кроме терминологического, значении. Как правило, заимствованные термины редко выходят за рамки своей «естественной среды обитания» – языка науки, и не получают широкого распространения в повседневной коммуникации в силу специфики своего денотата.

3. Детерминологизация

Такие термины, как *агрессия*, *стресс*, *депрессия* и др. получили широкое распространение в общелитературном языке. Это стало возможным благодаря процессу, набирающему все большую силу, а именно, процессу детерминологизации терминов, их активному употреблению в повседневной речи. «Детерминологизация – это процесс утраты словом-термином своих специфических терминологических признаков и выход его за пределы данной терминосистемы в общелитературное употребление» [Гурджиева, 1989, с.18].

Несмотря на то, что психология относительно молодая наука, востребованность в ней стремительно растет. Это вызвано как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам можно отнести быстрый темп жизни, увеличение городского населения, ухудшающуюся экологию и пр., следствием которых являются усталость, подавленность, постоянный стресс, тревожность, чувство одиночества, депрессия и др. С другой стороны, чувство неуверенности в себе и в завтрашнем дне, индивидуальные черты характера и пр., относятся к субъективным причинам того, что все больше людей, испытывая потребность в психологической помощи и поддержке, обращаются за помощью и консультациями к психологам, психотерапевтам. Возросший спрос на специалистов в этой сфере привел к тому, что сегодня можно говорить не только о психологах, но также тренерах личностного роста, экспертах по психосоматике, консультантах по психическому здоровью, коучах. Однако задачи, решаемые перечисленными специалистами, несмотря на кажущуюся схожесть, тем не менее, различны. Психолог работает с внутренними психологическими проблемами человека, связанными с эмоциональным состоянием и психическим здоровьем. Тренеры, коучи помогают человеку в решении внешних задач, направленных на достижение успеха. Психология вышла за рамки строго научного знания, термины психологии не являются частью только профессиональной коммуникации. В профессиональном дискурсе употребляются термины, в повседневном – термины, подвергшиеся процессу полной или частичной детерминологизации.

Более того, доступность информации в социальных сетях, наличие различных платформ, а также возможность создавать и публиковать собственный контент (блоги, каналы, форумы, чаты) привели к тому, что в интернет-пространстве, а иными словами, в общем доступе, появилось огромное количество площадок, на которых люди делятся своими психологическими проблемами, обмениваются опытом в их решении, дают друг другу советы и т.п. Важно отметить, что создатели подобного контента чаще всего не являются профессиональными психологами, и коммуникация в рамках интернет-дискурса осуществляется в основном на бытовом языке, в котором переплетаются разговорные лексические средства и термины психологии, подвергающиеся в подобном контексте частичной или полной детерминологизации. В настоящее время широкое распространение получила так называемая поп-психология, основными характеристиками

которой являются отсутствие верификации, эмпирического подтверждения, критического отношения к содержанию контента. Поп-психологию не следует смешивать с популярной психологией, в которой научно обоснованная информация адаптирована и представлена в более простой форме, что делает содержание психологических научных изысканий доступным для широкого круга читателей. Поп-психология опирается в основном на жизненный опыт авторов контента, может не содержать достоверных научных данных, касающихся обсуждаемой проблемы, предлагает готовые решения, даёт советы в виде «рецептов», так называемых лайфхаков. В поп-психологии отсутствует четкая граница между научными и ненаучными знаниями. Все вышперечисленное способствует тому, что наряду с психологическими терминами здесь используется большое количество тех единиц терминологической номинации, которые подверглись детерминологизации, поскольку «жанр» поп-психологии не претендует на научную точность, однако пытается сохранить иллюзию связи с наукой о психике. Поп-психология имеет почти неограниченную область применения в интернет-пространстве. Создатели и пользователи подобного контента часто используют термины, подвергшиеся детерминологизации. Приведем несколько примеров такого «терминопотребления». Отметим, что приведенные ниже примеры взяты нами из электронных ресурсов, предоставляемых Национальным корпусом русского языка.

*«После отпуска на меня навалилась такая **депрессия**, что не хочется даже вставать с кровати».*

Речь идет о *постотпускном синдроме*, который считается нормальной реакцией психики на резкую смену ритма жизни. Термином *депрессия* в психологии называют психическое состояние, иногда приобретающее патологический характер. В приведенном примере отсутствует указание на патологию.

Встречается даже ироническое использование терминов, например:

«К сожалению, инженерные знания предков, строивших этот памятник технической цивилизации, видимо, утеряны, поэтому строители пришли в уныние и депрессию и работу практически не ведут».

Совершенно очевидны невозможность и недопустимость использования термина в ироничном, саркастическом контексте. Поэтому сам факт использования термина *депрессия* в подобном высказывании свидетельствует о частичной утрате языковой единицей своего терминологического значения. Однако сохранено упоминание основных признаков депрессии – упадок сил, уныние, неспособность к действиям, требующим усилий, или действиям, направленным на изменение ситуации.

*«Официант перепутал мой заказ – это просто **травма** на всю жизнь, больше туда не пойду».*

Испорченное настроение утрированно называется травмой, тогда как в психологии *травмой* считается стрессовое расстройство, глубокое психологическое потрясение, которое может иметь острый или хронический характер.

«Хватит скрывать свои руки, у тебя развиваются какие-то глупые комплексы».

Термин «комплекс» рассматривается в психологии как взаимосвязанные идеи и импульсы личности, находящиеся в остром конфликте с другими ее идеями и конфликтами. Принято говорить о *комплексе неполноценности* или *комплексе превосходства*, но никак не о «глупых» комплексах.

«Мой начальник – настоящий абьюзер, он заставил меня переделывать отчет два раза».

Абьюзер в психологии, это человек, систематически применяющий разные виды насилия – физического, психологического, экономического и т.п., с целью подавления воли жертвы и достижения своей цели. В приведенном примере речь, скорее всего, идет о критике или возможном грубом обращении. При частичной детерминологизации выбирается какой-либо отдельный аспект, релевантный данной речевой ситуации. Так, в приведенном примере нет семантических компонентов *систематический, физическое насилие*, но присутствует компонент *психологическое давление*.

«Прости, я сегодня не в ресурсе, поэтому не пойду с вами в кино».

Ресурс в психологии – это термин, близкий к понятию *потенциал* и означающий психические возможности человека по преодолению стрессовых ситуаций, поддержанию здоровья и благополучия, в том числе и в длительной перспективе. В указанном предложении очевидна подмена понятий, поскольку здесь имеется в виду нехватка энергии, плохое настроение или отсутствие свободного времени. Ср. – *Я не в настроении сегодня*.

Выводы

Процессы терминологизации и детерминологизации в современной психологической лексике отражают динамику развития русского языка в цифровую эпоху. Близость терминологического аппарата психологии общелитературному языку привела к активному использованию общелитературных слов, подвергшихся переосмыслению, сужению, уточнению, конкретизации значения, освобождению от оценочности и экспрессивности. Обратный процесс – процесс детерминологизации – сопровождается полной или частичной утратой термином своего терминологического значения, языковая единица может подвергаться субъективному толкованию, обретает коннотативные значения. Термин оказывается в промежуточном состоянии, поскольку, сохраняя терминологическое значение, которое уже опиралось на бытовой смысл слова (языковой субстрат), ставшего термином, теперь возвращается в повседневную речь, сохранив элементы и общеязыкового значения, и научного понятия. И если раньше, при переходе слова в термин, оно теряло оценочное значение, экспрессивность и т.п., то здесь мы можем видеть, как научное понятие обретает эти «чуждые» ему наслоения, вплоть до ироничной или гротескной оценочности.

Семантический сдвиг терминов, наблюдаемый в интернет-дискурсе, формирует новую речевую реальность, которая нуждается в дальнейшем исследовании.

LILIT ZOLYAN – *Modern Processes of Terminologization and Determinologization in the Context of Digital Technology Development* – Dynamic changes in all spheres of social life, caused by the emergence and development of digital technologies, have also affected the language of science, significantly impacting the processes of terminologization and determinologization. This article examines these two interconnected processes using the example of psychological terminology, which, for several reasons, remains insufficiently studied from a linguistic perspective to this day. Since the type of scientific rationality influences the terminological apparatus of a particular field of knowledge, the psychological terminology system is closely related to general literary vocabulary. This explains the fact that a significant number of psychological terms consist of words that have undergone semantic conversion and acquired new, terminological content. On the other hand, psychological terms easily penetrate everyday communication, particularly internet discourse, creating a new linguistic reality that requires further study. This defines the relevance of the research. The article considers semantic transformations that a language unit undergoes when moving from general vocabulary to a language for specific purposes as a result of semantic conversion, and explores the reverse process – the determinologization of terms. In this regard, the question arises concerning the possibility of connotative use of terms, which is considered an open area for research in terminology studies. Examples of term usage in everyday communication, specifically in social networks and pop psychology, are analyzed.

Keywords: *terminologization, determinologization, semantic conversion, psychological terminology system, connotation.*

ИСТОЧНИКИ

- Свенцицкий, А.Л., 2009. *Краткий психологический словарь*. Москва: Проспект.
Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggB>
[дата обращения: 31.03.2026]
- Ожегов, С.И., 2021. *Толковый словарь русского языка*. 27-е изд., испр. Москва: АТС; Мир и Образование.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Даниленко, В.П., 1977. *Русская терминология. Опыт лингвистического описания*. Москва: Наука.
- Гурджиева, А.С., 1989. *Процессы терминологизации и детерминалогизации в современном русском языке: методические указания*. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та.
- Золян, Л.Р., 2022. *Термины психологии: структурно-семантический анализ*. Ереван: Изд-во Ереванского гос. ун-та.
- Котов, Р.Г., Никитина, С.Е., Васильева, Н.В. и др., 1988. *Естественный язык, искусственные языки и информационные процессы в современном обществе*. Москва: Наука.
- Лебедев, С.А., 2007. *Философия науки*. 5-е изд. Москва: Академический проект; Альма Матер.
- Маклаков, А.Г., 2009. *Общая психология*. Санкт-Петербург: Питер.
- Прохорова, В.Н., 1983. *Лексико-семантическое образование русской терминологии*. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. Москва.
- Сорокина, Э.А., 2007. *Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения)*. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. Москва.

REFERENCES

- Danilenko, V.P., 1977. *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya*. [**Russian Terminology: An Attempt at a Linguistic Description**]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Gurdzhieva, A.S., 1989. *Protsessy terminologizatsii i determinologizatsii v sovremennom russkom yazyke: metodicheskie ukazaniya*. [**Processes of Terminologization and Determinologization in Modern Russian: Methodological Guidelines**]. Rostov-on-Don: Rostov Univ. Publ. (in Russian).
- Zolyan, L.R., 2022. *Terminy psikhologii: strukturno-semanticheskii analiz*. [**Psychological Terms: a Structural and Semantic Analysis**]. Yerevan: Yerevan State Univ. Publ. (in Russian).
- Kotov, R.G., Nikitina, S.E., Vasil'eva, N.V. and others, 1988. *Estestvennyy yazyk, iskusstvennye yazyki i informatsionnye protsessy v sovremennom obshchestve*. [**Natural Language, Artificial Languages and Information Processes in Modern Society**]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Lebedev, S.A., 2007. *Filosofiya nauki*. 5-e izd. [**Philosophy of Science**]. 5th ed. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ; Al'ma Mater Publ. (in Russian).
- Maklakov, A.G., 2009. *Obshchaya psikhologiya*. [**General Psychology**]. St. Petersburg: Piter Publ. (in Russian).
- Prokhorova, V.N., 1983. *Leksiko-semanticheskoe obrazovanie russkoy terminologii* [**Lexico-Semantic Formation of Russian Terminology**]. Extended abstract of the doctoral dissertation in philology. Moscow.
- Sorokina, E.A., 2007. *Kognitivnye aspekty leksicheskogo proektirovaniya (k osnovam kognitivnogo terminovedeniya)* [**Cognitive aspects of lexical design (towards the foundations of cognitive terminology studies)**]. Extended abstract of the doctoral dissertation in philology. Moscow.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ВОЙНА»

АННА ХИЗАНЦЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы современного русского языка с компонентом *война* в историко-этимологическом и семантическом аспектах. Военная сфера, на протяжении веков оказывавшая значительное влияние на общественное сознание, стала одним из ключевых источников метафоризации и формирования устойчивых выражений, активно функционирующих за пределами собственно военного дискурса. Цель исследования заключается в выявлении исторических источников фразеологизмов с компонентом *война*, анализе их происхождения, путей заимствования и семантических трансформаций, а также в описании особенностей их употребления в современном языке. Материалом исследования послужили фразеологические словари, данные Национального корпуса русского языка, а также примеры из художественной и публицистической литературы различных исторических периодов. В работе применяются методы сплошной выборки, контекстуального и историко-этимологического анализа. В результате исследования установлено, что фразеологизмы военной тематики формировались в разные исторические эпохи, часть из них была заимствована из латинского, французского и английского языков, а большинство со временем утратило узкоспециальную военную семантику, приобрело переносные, универсальные значения. Показано, что данные фразеологические единицы сохраняют культурно-историческую память и активно используются в современном русском языке для описания социальных, политических, психологических и бытовых ситуаций.

Ключевые слова: *фразеология, военная лексика, фразеологизмы с компонентом война, историко-этимологический анализ, семантическая трансформация, русский язык.*

---

* Анна Хизанцян – кандидат филологических наук, доцент, ассистент кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации факультета русской филологии ЕГУ

Anna Khizantsyan – PhD of Philology, Associate professor, YSU, Chair of Russian Linguistics, Typology, and Communication Theory, Assistant

Աննա Խիզանցյան – քանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, ԵՊՀ ռուսաց լեզվաբանության, տիպարանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի ասիստենտ

Эл.почта: anna.khizantsyan@ysu.am, <https://orcid.org/0009-0001-8397-5959>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

© The Author(s) 2025

Введение

Фразеологический фонд любого языка является неотъемлемой частью его культурного наследия. Фразеологизмы в целом отражают исторический опыт народа, закрепляют историческую память, фиксируют значимые реалии и ценности общества.

Одним из наиболее значимых факторов, оказавших влияние на формирование фразеологии, является военная сфера. На протяжении веков военные конфликты оказывали глубокое воздействие на общественное сознание, а также на язык, который фиксировал военные реалии и трансформировал их в устойчивые выражения. Поэтому военные реалии, будучи экстремальными по своему характеру, порождали яркие образы и метафоры, которые со временем закреплялись в языке в виде устойчивых выражений.

В этом смысле военные фразеологизмы являются особенно показательными, т.к. война во все времена была важнейшей частью коллективного опыта, а военные реалии становились богатым источником метафор и устойчивых выражений. Язык нередко использует военные образы в самых разных сферах жизни. Фразеологизмы с компонентом «война» используются не только для обозначения собственно военных действий, но и для описания социальных конфликтов, политического противостояния, напряжённой интеллектуальной или эмоциональной борьбы. Они не только сохраняют историческую память, но и продолжают активно функционировать в современных языках, приобретая переносные значения. Именно поэтому их изучение имеет не только лингвистическую, но и культурологическую ценность.

Актуальность работы определяется необходимостью комплексного изучения военной фразеологии в аспекте её происхождения, семантического развития и функционирования в языковой системе. В условиях активного взаимодействия историко-культурных и языковых процессов особый интерес представляет анализ устойчивых выражений военной тематики как отражения национальной картины мира, исторической памяти и специфики языкового сознания.

Объектом исследования выступают фразеологизмы с компонентом «война», зафиксированные в современном русском языке, их этимологические особенности, семантические трансформации и специфика функционирования.

Сегодня военные фразеологизмы активно используются вне военной сферы. В политике, спорте, публицистике можно встретить выражения *сражаться за идею*, *бросить все силы*, *одержать победу*. Эти обороты придают речи динамику и выражают дух соперничества.

Многие из фразеологизмов военной тематики претерпели семантические изменения: компоненты фразеологизмов утратили узкое значение, приобрели новый смысл и закрепились в языке как универсальные характеристики жизненных ситуаций.

Анализ устойчивых выражений военной тематики даёт возможность выявить их происхождение, определить семантические трансформации и проследить, каким образом реальные исторические события отразились в языке. Практический материал позволяет наглядно показать, как военные реалии превращаются в метафоры и устойчивые обороты, сохраняя при этом связь с историческим опытом народа.

Далее будет представлен исторический комментарий ряда фразеологических выражений, связанных со словом «война», что позволит подтвердить сделанные нами общетеоретические выводы на конкретных примерах из языковой практики.¹ Использование некоторых рассматриваемых единиц в публицистической и художественной литературе представлены посредством графиков НКРЯ.

Основная часть

Война всех против всех – ‘о недружном коллективе, обществе, раздираемом склоками и распрями’; ‘о вражде и конкуренции, об отсутствии солидарности и правил, обязательных для всех, о превращении общества в массу враждующих между собою индивидуумов’.

Выражение восходит к латинскому выражению *Bellum omnium contra omnes* и принадлежит английскому философу *Томасу Гоббс* (1588-1679): «Несомненно, что война была естественным состоянием человека, пока не образовалось общество, и притом не просто война, а война всех против всех» (1642).

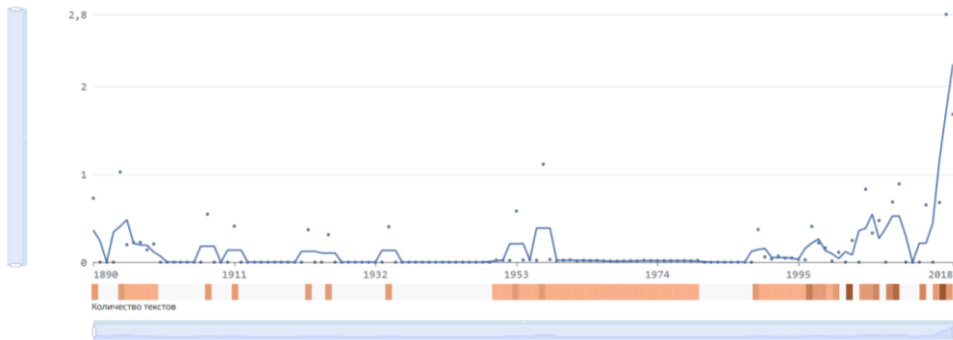

Рис. 1. График использования фразеологизма *война всех против всех*.

На графике видно, что появившаяся в 1642 г. фраза в русскоязычной литературе стала популярной в 2000-е гг., а пик ее использования пришелся на 2016-2018 гг. В основном она использовалась в публицистических текстах, в газетных статьях: *Как уже сообщало EADaily, у города идет война всех против всех: курды и протурецкие группировки воюют между собой и одновременно с экстремистами ДАИШ. [«Щит Евфрата» обнажился: Анкара на грани войны с курдами и Дамаском (25.11.2016) // 2016].*

Война всё спешет – ‘разг. экспрес. во время тяжёлых испытаний, которые вызваны войной, непродуманные поступки, ошибки, промахи в каких-либо повседневных делах не считаются серьёзными’.

Найти источник данного фразеологизма нам не представилось возможным, т.к. нигде не указан его автор. По материалам НКРЯ, выражение стало использоваться в военных мемуарах, публицистике и художественных текстах XX в. В интернет пространстве можно найти информацию, согласно которой фраза

¹ Примеры использования фразеологизмов приводятся по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), а графики НКРЯ показывают изменения частотности употребления слов или словосочетаний за определенный период времени.

приписывается какому-то военачальнику, однако документально это нигде не подтверждено.

На фронте бывала и настоящая любовь, бывало и так, что «война все спишет». [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]

Со временем фраза стала крылатой, превратилась во фразеологизм с циничным, подтекстом и иронической/критической оценкой: военное время списывает ошибки, потери, долги и иногда преступления, т.е. списывает ответственность, оправдывает утраты и разрушения.

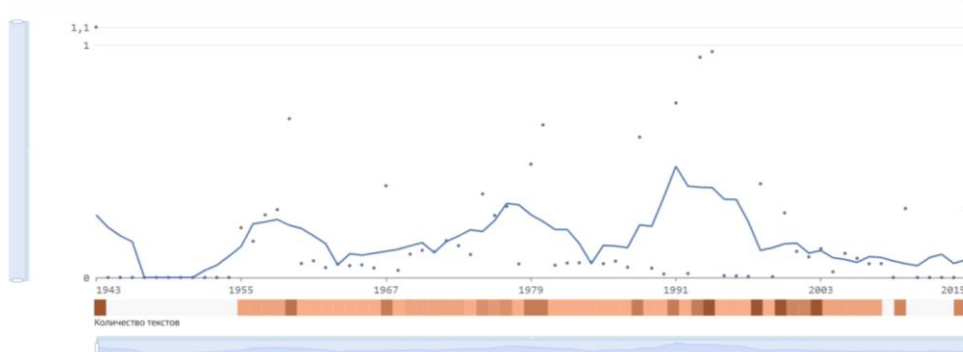

Рис. 2. График использования фразеологизма *война все спишет*.

Если рассмотреть на приведенном выше графике частотность употребления данной фразы в русскоязычной литературе, то можно отметить, что фраза впервые фиксируется в 1943 г. (*Не простят нам наши, если мы гулять тут будем. Война все спишет! Нет!* – убежденно покачал головой Тарас. [Б.Л. Горбатов. Непокоренные (1943)]; *Это общее впечатление. Война все спишет. Обманул – спишет, украл – спишет.* [Давид Самойлов. Поденные записи (1943)]), а пик ее использования пришелся на 1990-ые гг. (*Война все спишет», – приговаривал он, самоутешаясь сквозь слезы.* [Юрий Нагибин. Тьма в конце туннеля (1994)]).

Война до победного конца – ‘настойчивое доведение дела до конца’.

Фраза является классическим военным лозунгом – ‘вести войну до окончательной победы’. Согласно приведенному ниже графику, фразеологизм появился в годы Первой мировой войны, в России встречается в декларациях и политических формулировках Временного правительства 1917 г. Традиционный военный лозунг со временем стал все чаще употребляться в качестве метафоры и, потеряв узко-военную специфику, стал риторическим штампом.

Улигания приняла вызов и объявила: Война до победного конца! Город украсился национальными флагами (на черном фоне белый кулак), «Известия» протрубили страшную новость. [Г.Г. Белых, А.И. Пантелеев. Республика ШКИД (1926)]

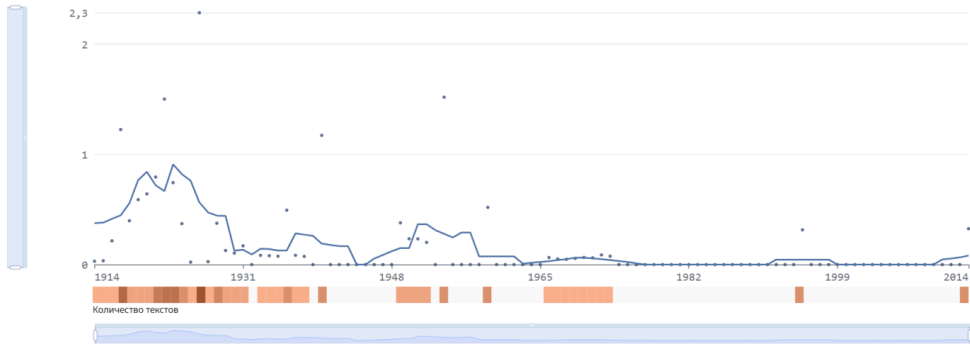

Рис. 3. График использования фразеологизма *война до победного конца*.

Война – ерунда, главные маневры – ‘*общ., ирон. или пренебр.* о ситуации, в которой достижение основной цели подменяется обилием малозначимых действий, излишним вниманием к мелким деталям и т.п.’.

Фраза встречается в нескольких вариантах, в некоторых лексема «ерунда» заменена нецензурными лексемами. Автор выражения не известен, но фразу приписывают великому российскому полководцу А. Суворову. Согласно материалам из интернет пространства, этот фразеологизм является первоначальной версией известной фразы Суворова «Тяжело в учении, легко в бою». Полководец, начавший свой доблестный путь простым солдатам, не владел всем богатством литературного языка, поэтому оригинальная фраза не вписывалась в рамки цензуры. Со временем, писатели трансформировали фразу, и она стала звучать иначе и проще. Однако зафиксированного в словарях доказательства этой точки зрения нет.

Война нервов – ‘*публ.* оказание психологического давления одного государства на другое для достижения определённых политических целей’; ‘о затянувшемся конфликте, склоке, ссоре, когда объективные аргументы исчерпаны или не действуют, и все решает воля, характер участвующих в противостоянии людей’.

Фразеологизм является калькой английского выражения *war of nerves*. Первоисточником являются слова германского фельдмаршала (впоследствии президента Германской республики) Пауля фон Гинденбурга (1847-1934), сказанные им в начале Первой мировой войны (ноябрь 1914): *Война с Россией в настоящее время прежде всего вопрос нервов. Если Германия и Австро-Венгрии имеют крепкие нервы и выдержат, а они выдержат, – то мы победим.*

Согласно графику НКРЯ, в русскоязычных текстах фразеологизм появился впервые в 1946 г.: *Каждый может видеть, что война нервов, война психическая может разлагать человека сильнее войны телесной.* [Н.К. Рерих. Листы дневника (1946)]

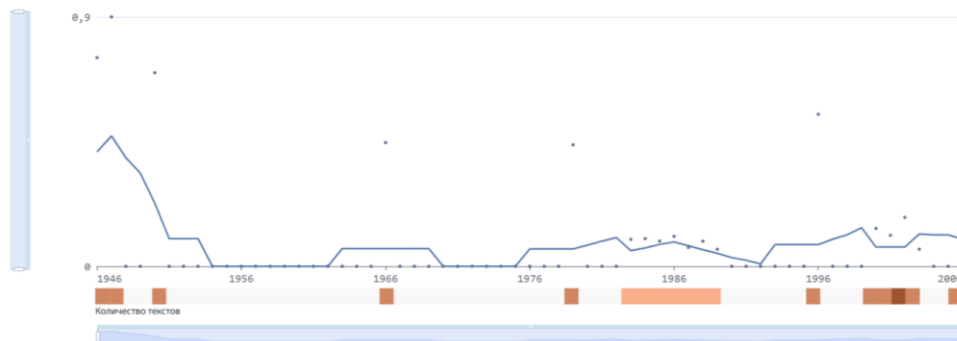

Рис. 4. График использования фразеологизма *война нервов*.

«Война нервов» встречается в разных ситуациях: в личных отношениях, на деловых встречах или в зонах боевых действий. Это затяжная борьба за превосходство, где каждая сторона пытается ослабить уверенность или психику другой: *Началась война нервов, которая всегда предваряет войну держав; все висело на волоске*. [Александр Архангельский. 1962: послание к Тимофею (2006)].

Грязная война — «общее название для мер государственного терроризма (массовые похищения, пытки, бессудные казни), предпринимавшиеся военными диктатурами против своей оппозиции».

В русскоязычных источниках фразеологизм встречается довольно редко. Крылатое выражение фиксируется в публицистических текстах с 1966 г. по 1994 г.

Но третьим и окончательным разочарованием будет Афганистан, где так и не кончается грязная война. [Николай Троицкий. Дневник (1988)]

Пользуясь царящей в обществе моральной невнятицей (Афган — грязная война, но ее участники — герои-интернационалисты), можно достичь чего угодно. [Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики (1984-1994)]

Выражение восходит к фразе на французском языке *Sale guerre* и принадлежит французскому публицисту Юберу Бёв-Мери (1902-1989). Так он писал о колониальной войне, которую вела Франция во Вьетнаме (1946-1954). Позже так стали называть и вьетнамскую войну США.

Деньги — нерв войны — «войну можно успешно вести только при наличии средств, которых она требует».

Выражение восходит к латинскому *Nervus belli pecunia*, приписывается древнегреческому поэту Биону (III в. до н.э.) и в оригинале звучит, как «деньги — нерв всяких дел». Современная идиома является перефразированием слов поэта римским государственным деятелем, оратором и писателем Цицероном.

В НКРЯ нет примеров использования данного фразеологизма.

Если завтра война — «напоминание о необходимости достойно встретить любую агрессию, быть постоянно готовым к отпору врагу, *держат порох сухим*».

Фраза восходит к названию советского кинофильма (1938) и к первой строке песни из того же фильма: *Если завтра война, // Если завтра в поход, // Будь сегодня к походу готов....*

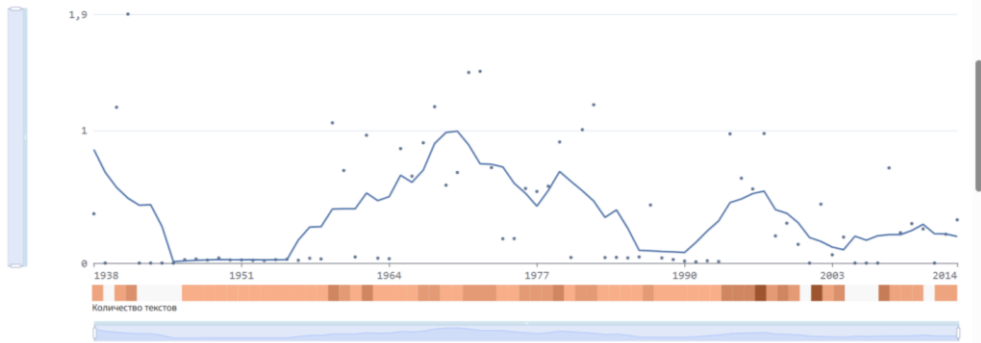

Рис. 5. График использования фразеологизма *если завтра война*.

Согласно данному графику, фраза была популярной в 1970-е гг. Однако из 70 примеров использования данной фразы в русскоязычной литературе (и публицистической, и художественной), в качестве фразеологизма данное выражение использовалось в половине случаев.

Как мы будем бороться с воздушным врагом, «если завтра война»? [А.В. Шиуков. *Война в воздухе (1940-1941)*]

Модная короткая причёска у московских мальчиков называется «если завтра война». [Р.Г. Назиров. *Дневниковые записи (1962)*]

Если хочешь мира, готовься к войне – ‘мир стране гарантирует только ее надежная оборона, мощные вооруженные силы, которые отбивают у возможных агрессоров всякую охоту к нападению, других гарантий мира объективно не существует’.

Выражение является переводом с латинского языка фразы *Si vis pacem, para bellum*, автор которой – римский историк *Корнелий Непот* (94-24 гг. до н.э.). Фраза, ставшая еще в античности крылатой, актуальна и по сей день.

В НКРЯ фиксируется три случая использования данного фразеологизма, каждый сохранил семантику оригинала.

Маленькая победоносная война – ‘лёгкое дело, задуманное для отвлечения или демонстрации успеха’.

Выражение, являющееся ироничным оборотом из политической публицистики XIX-XX вв., связано с началом Русско-японской войны (1904). Приписывают его министру внутренних дел В.К. Плеве, который в беседах с Николаем II отметил: *«Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война».* [С.Ю. Витте. *Война с Японией (Из «Воспоминаний»)* (1905)]

В современной русскоязычной публицистике используется с ироническим оттенком в значении ‘попытка решить внутренние проблемы государства внешним военным конфликтом’; также может обозначать мелкий, но желанный успех: *Конечно, нет. Это же будет маленькая победоносная война! А что может быть лучше маленькой победоносной войны?* [Егор Гайдар, Альфред Кох. *Беседы с Гайдаром. Часть первая. «Я плохой публичный политик»*, 2007]

Носить в складках тоги мир и войну – ‘диктовать свою волю миру, держать в своей власти решение вопросов войны и мира; играть главную роль при решении какого-либо конфликта (необязательно военного)’.

Фраза стала крылатой в античную эпоху. Ее можно найти в трудах римских историков, в частности Тита Ливия (59 г. до н.э.-17 г. н.э.), где повествуется о событиях, повлекших за собой начало второй Пунической войны (между Римом и Карфагеном): в 218 г. до н.э. посол Рима, прибывший в Карфаген, сложил свою тогу так, как если бы нес там что-то, и сказал: «Здесь мы несем для вас мир и войну: берите, что хотите». Когда же ему сказали, чтобы он сам выбрал, что хочет, он развернул складки и сказал: «Война».

В России, примерно до 30-х гг. XX в., это выражение было очень популярно среди авторов газетных передовиц.

В НКРЯ примеров использования не найдено.

Псы/пес войны – ‘о солдатах-наемниках, используемых в политических целях’.

Источником фразеологизма является русский перевод пьесы У. Шекспира «Юлий Цезарь». Однако выражение стало популярным после выхода в свет романа «Псы войны» («The Dogs of War», 1974) Фредерика Форсайта и его экранизации в 1980 г.

В НКРЯ встречается всего несколько примеров использования выражения, например, *Вот – «пёс войны» в камуфляже на броне, автомат поперёк колен* [Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. Новая жизнь. Святочная повесть (2005)]; *Войско было пестрым, его основу составляли наемники из разных стран – настоящие «псы войны», готовые служить любому, кто будет платить* [Г.М. Коваленко, В.Г. Смирнов. Легенды и загадки земли Новгородской (2007)].

У войны – не женское лицо – ‘о жестокости войны, о том, что женщинам там не место’.

Крылатая фраза восходит к названию документально-очерковой книги (1984) белорусской писательницы *Светланы Александровны Алексиевич*, в которой собраны рассказы женщин, участвовавших в Великой Отечественной войне.

По данным НКРЯ, выражение используется как фразеологизм лишь в одном случае: *Там не зря три женщины собрались: это спектакль о том, что у войны не женское лицо*. [Саша Денисова. Любовь, дерьмо и снайпер/ «Русский репортер», № 22 (200), 9 июня 2011]. В остальных примерах используется при цитировании указанной выше книги.

Холодная война – ‘враждебно-агрессивная политика империалистических держав в условиях официального мира’; ‘крайне враждебные отношения между государствами, но не доходящие до прямого вооруженного конфликта – постоянное балансирование на грани войны и мира; в отношениях между людьми – напряженные, натянутые отношения на грани открытой вражды’.

Оригинал фразы – английское выражение *Cold war*. Фраза стала широко известна благодаря ряду статей американского журналиста Уолтера Липпмана. Однако выражение принадлежит американскому политику Бернарду Баруху, который использовал ее по совету своего помощника – публициста *Херберта Суоп*.

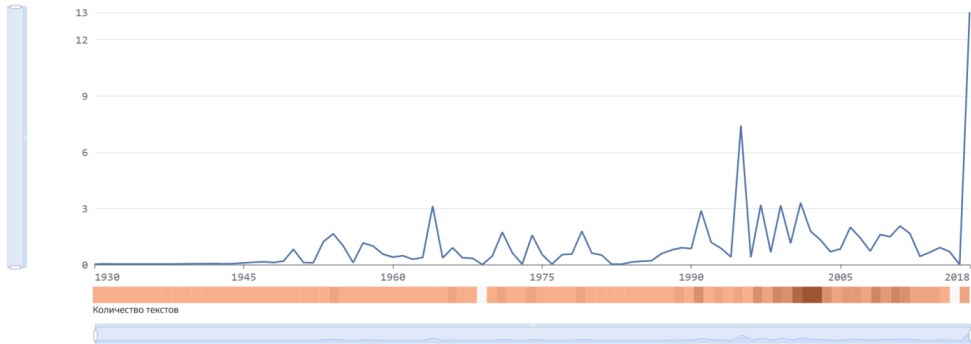

Рис. 6. График использования фразеологизма *холодная война*.

Рассмотрим график. Впервые фразеологизм в русскоязычной литературе используется в 1930 г. у Ю. Олеши в «Книге прощания»: *Холодная война – это мирозозерцание, которое введено, безусловно, нами*. А в 2011-2012 гг. рассматриваемый фразеологизм используется чаще, чем в другие периоды «жизни» идиомы: *Едва закончилась Вторая мировая война, как началась «холодная война» – война умов и нервов*. [Александр Волков, А. Ильин. Подробности для любознательных // Юный техник, 2012]

С этим фразеологизмом связан и фразеологизм «прохладная война» – ‘публ. полит. о состоянии напряжённости в международных отношениях, близком к *холодной войне*: *Холодная война – в прошлом, пришло время прохладной; Но каковы особенности конфликтов, в которые мы вступаем сегодня - в эпоху «прохладной войны»?* [https://inosmi.ru/20130225/206287329.html]

Эхо войны – ‘перен. утерянные, своевременно не утилизированные боеприпасы или вооружение, оставшиеся после завершившегося военного конфликта; перен. вообще какое-либо последствие войны’.

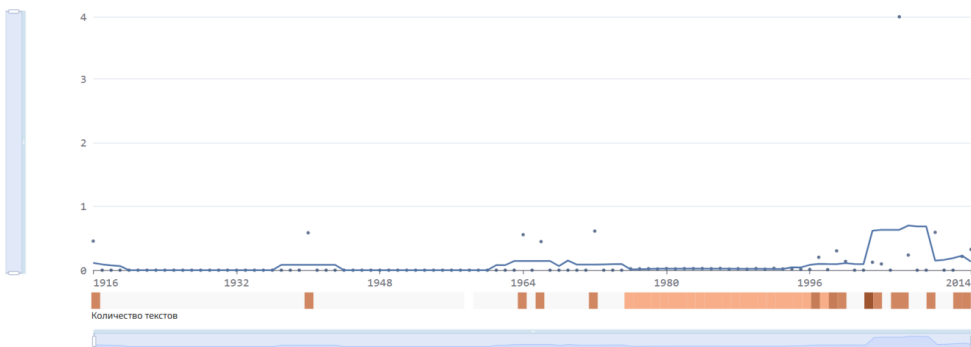

Рис. 7. График использования фразеологизма *эхо войны*.

Как видно из графика НКРЯ, фраза *эхо войны* впервые встречается в русскоязычной литературе в 1916 г. в газете «Вечерний курьер» (Москва) в статье «Новости литературы» от 03.06.1916 г., в которой говорится о произведениях, над которыми работали в тот период литераторы; в их числе и сборник

военных рассказов Евгения Чирикова «Эхо войны». Затем, после долгого перерыва, фраза, уже в качестве фразеологизма, встречается в 1940 г.: *А вот – эхо войны: от соседа-железнодорожника узнали, что вчера прошло в Париж 50 поездов, с воинскими частями главным образом.* [И.Н. Кнорринг. Дневник (1940)]

Этот фразеологизм со временем приобрел новые значения: 1. описательное значение – «отголоски» прошедших боёв в ландшафте или артефактах (неразорвавшиеся боеприпасы, руины); 2. социальные и демографические негативные последствия (безотцовщина, нищета, снижение рождаемости); 3. Психологические травмы, изменившие поведение людей, память поколений, что отразилось и в литературе, и в искусстве.

Анализ указанных выше фразеологизмов показал, что появились они в разные исторические периоды. Хронологию их появления можно представить следующим образом:

- античность и Средние века, например, *война всех против всех; если хочешь мира, готовься к войне;*
- Первая мировая война, например, *война до победного конца;*
- Вторая мировая война (Великая Отечественная война) и послевоенные годы, например, *холодная война;*
- время появления неизвестно, например, *эхо войны.*

При этом часть рассмотренных фразеологизмов была заимствована из латинского, французского, английского языков.

Помимо рассмотренных фразеологизмов, которые непосредственно связаны с военными и/или политическими действиями, в языке функционируют фразеологизмы, содержащие в себе компонент «война», но не имеющие никакого отношения к военным действиям. Несколько фразеологизмов используются в школьной разговорной речи в качестве жаргонизма: *война и мир* – ‘жарг. шутл.-ирон. 1. школьная жизнь; 2. шум в классе; 3. поведение учеников на перемене’; *война икс* – ‘жарг. шутл.-ирон. об алгебре’; *тройная война* – ‘жарг. шутл. Ситуация в школьном гардеробе после окончания уроков’. Нами был найден и фразеологизм *звездная война* – ‘жарг. арм. шутл. застолье по поводу присвоения первого или очередного офицерского звания’. Однако примеров употребления этих фразеологизмов в НКРЯ не было найдено.

С компонентом «война» встречаются и фразеологизмы-диалектизмы, используемые в определенном регионе, например, в Большом словаре русских поговорок в качестве диалектных упоминаются следующие фразеологизмы:

- *остаться на войне* – ‘погибнуть в бою’ и *ходить по войне* ‘воевать’ – используется в сибирских диалектах.
- *без войны война* – ‘о постоянных драках и ссорах (как правило из-за пьянства)’ и *подняться войной* на кого ‘начать враждовать с кем-либо’ – прибайкальские диалекты.
- *отводить войны* – ‘то же, что *по войне ходить*’ – приамурские диалекты.

Некоторые фразеологизмы имеют подчеркнута презрительную коннотацию: *страшнее атомной войны* – ‘прост. презр. о некрасивой девушке, женщине’; *война не всех дурных убила* – ‘жарг. шутл.-ирон. о крайне глупом человеке’.

Одним из «молодых» является фразеологизм *война компроматов*. В русскоязычной литературе он встречается несколько раз в период с 1998 г. (*Когда закончилась война в Чечне, началась война компроматов*. [Сергей Евгеньев. Бои за Горбатый мост // «Общая газета», 1998]); *Политическая борьба выплеснется из кабинетов в СМИ и на улицы. Начнется война компроматов*. [2012: год фиктивных перемен // «Русский репортер», 2012])

В рассматриваемом фразеологизме компонент *война* используется в прямом значении, а компонент *компромат* – в значении ‘оружие’. В современных СМИ фразеологизм используется в значении ‘ожесточённая кампания по дискредитации соперников’. Приведем примеры заголовков новостных статей. *Это война компроматов: политолог о скандалах «Нового Единства»; Свобода слова и война компроматов ушли в Интернет; Война компроматов, или «Ответочка пришла»: как секретные документы из офиса Байдена стали знаком раскола в США?*

Интерес представляет и фразеологизм, который можно назвать «новейшим» из всех нами рассмотренных – *война правок*. Он представляет собой кальку английского выражения *edit war*: *Мировая война правок. Как пропагандисты разных стран искажают статьи Википедии, пользуясь лазейками в ее модели работы*.

На просторах интернета можно найти следующее толкование фразеологизма: ‘*жарг. викип.* последовательное систематическое внесение отменённых правок в определённую статью Википедии без попытки достигнуть консенсуса; авторы статей на ресурсе Википедия вносят изменения, при этом не обсуждая их’.

Наиболее распространёнными являются фразеологизмы, авторы которых неизвестны. Рассмотрим эти фразеологизмы по следующей модели: фразеологизм — происхождение – современный переносный смысл.

- *как на войне* – из сравнения с настоящей войной, где хаос и напряжение – трудная, беспорядочная или напряжённая ситуация;
- *объявить войну чему-либо* – перенос военного термина «объявить войну» – активно бороться с чем-то (пороками, проблемами);
- *словесная война* – основано на метафоре «слово – оружие» – сильный спор, публичная дискуссия;
- *жизнь – это война* – философская метафора, известная со времён античности – представление жизни как постоянной борьбы;
- *после войны* – букв. что-то относящееся к послевоенному времени – о чём-то устаревшем, давнем.

В дальнейшем планируется провести детальный анализ представленных фразеологизмов. Результаты исследования будут опубликованы в последующих статьях.

Выводы

Таким образом, военные фразеологизмы, пройдя долгий исторический путь, интегрировались в современный языковой курс. Они не только отражают военно-исторические реалии и понятия прошлого, но и выполняют функцию

вербальной репрезентации новых семантических значений в различных сферах человеческой деятельности.

Исторический комментарий фразеологизмов военной тематики позволяет глубже понять процесс формирования языковой картины мира, выявить механизмы переосмысления военной лексики и её превращения в устойчивые обороты. Военные фразеологизмы продолжают активно функционировать в современном русском языке, утрачивая узкоспециальную военную семантику и приобретая универсальные значения. Их изучение позволяет глубже понять механизмы развития фразеологической системы языка и взаимосвязь языка, истории и культуры.

Важно подчеркнуть, что эти выражения и сегодня активно используются в публицистике, художественной литературе и повседневной речи, сохраняя своё эмоциональное и культурное значение.

ANNA KHIZANTSYAN – *Historical Commentary on Idioms Containing the Word ‘War’* – The article examines phraseological units of the modern Russian language containing the component *war* from historical-etymological and semantic perspectives. The military sphere, which for centuries has exerted a significant influence on public consciousness, has become one of the key sources of metaphorization and the formation of stable expressions that function actively beyond strictly military discourse.

The aim of the study is to identify the historical sources of phraseological units containing the component *war*, to analyze their origin, borrowing paths, and semantic transformations, as well as to describe the specific features of their usage in contemporary language.

The research material includes data from phraseological dictionaries, the Russian National Corpus, as well as examples from literary and journalistic texts of various historical periods. The study employs methods of continuous sampling, contextual analysis and historical-etymological analysis.

As a result of the research, it has been established that phraseological units of military origin were formed in different historical epochs; some of them were borrowed from Latin, French, and English, while the majority gradually lost their narrowly specialized military semantics and acquired figurative, universal meanings. The article demonstrates that these phraseological units preserve cultural and historical memory and are actively used in modern Russian to describe social, political, psychological and everyday situations.

Keywords: *phraseology, military vocabulary, phraseological units with the war component, historical and etymological analysis, semantic transformation, Russian language.*

ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> [Дата обращения: 24.09.2025]

RT. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2011-06-27/Svoboda-slova-i-voyna-kompromatov> [Дата обращения: 24.09.2025]

Sputnik.Латвия. URL:

<https://lv.sputniknews.ru/20240426/eto-voyna-kompromatov-politolog-o-skandalakh-novogo-edinstva-27789119.html> [Дата обращения: 24.09.2025]

The Insider. URL: <https://theins.ru/obshestvo/279913> [Дата обращения: 24.09.2025]

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов, В.В., 1994. *О фразеологии. Основные типы фразеологических единиц русского языка*. Москва: Наука.
- Кузмич, В., 2000. *Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии*. Москва: Зеленый век.
- Кунин, А.В., 1970. *Англо-русский фразеологический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.
- Мокиенко, В.М., 2005. *Славянская фразеология*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Мокиенко, В.М. и Никитина, Т.Г., 2007. *Большой словарь русских поговорок*. Москва: Олма Медиа Групп. URL: https://web.archive.org/web/20220516121723/https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_LOCUTIONS-MAKIENKO.pdf
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов* / Под ред. Е.А. Левашова, 1997. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. URL: <https://iling.spb.ru/publications/2293>
- Телия, В.Н., 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.*: в 2 т., 1991. Новосибирск: Наука.
- Шанский, Н.М., 1985. *Фразеология современного русского языка*. Москва: Высшая школа.

REFERENCES

- Vinogradov, V.V., 1994. *O frazeologii. Osnovnye tipy frazeologicheskikh edinic russkogo jazyka* [*On Phraseology: The Main Types of Phraseological Units in Russian*]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian)
- Kuzmich, V., 2000. *Zhguchij glagol: Slovar' narodnoj frazeologii* [*Burning Verb: A Dictionary of Folk Phraseology*]. Moscow: Zelenyj vek Publ. (in Russian)
- Kunin, A.V., 1970. *Anglo-russkij frazeologicheskij slovar'* [*English–Russian Phraseological Dictionary*]. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija Publ. (in Russian)
- Mokienko, V.M., 2005. *Slavjanskaja frazeologija* [*Slavic Phraseology*]. Saint Petersburg: St. Petersburg University Publ. (in Russian)
- Mokienko, V.M. and Nikitina, T.G., 2007. *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [*Big Dictionary of Russian Proverbs*]. Moscow: Olma Media Grupp Publ. URL: https://web.archive.org/web/20220516121723/https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaire-s/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_LOCUTIONS-MAKIENKO.pdf (in Russian)
- Novye slova i znachenija. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-h godov* [*New Words and Meanings: A Reference Dictionary Based on the Press and Literature of the 1980s*]. E.A. Levashova, ed. 1997. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ. URL: <https://iling.spb.ru/publications/2293> (in Russian)
- Telija, V.N., 1996. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [*Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects*]. Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury» Publ. (in Russian)
- Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka konca XVIII–XX vv. v 2 t.* [*Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the Late 18th–20th Centuries: In 2 Vols*]. 1991. Novosibirsk: Nauka Publ. (in Russian)
- Shanskij, N.M., 1985. *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka*. [*Phraseology of the Modern Russian Language*] Moscow: Vysshaja shkola Publ. (in Russian)

About the Publishing House of Yerevan State University

The Publishing House of Yerevan State University works closely with the academic community to publish high quality academic journals, monographs and textbooks, and provides services to promote teaching and research. Our main mission is to internationalize, make open, accessible and transparent the scientific work of the Armenian scientific community.

Our publications include digital, print and open access content spanning the humanities and social sciences, natural sciences and technology. In cooperation with authors, we distribute the best academic materials in the region and in the world.

Publish your journal and book with The Publishing House of Yerevan State University and you will join the scientific community of distinguished authors whose published work has helped shape and influence learning in the region and around the world.

- If you need information on how to apply to publish a book, you can read our guide [here](#).
- For information on how to write for a scientific journal, please visit our journal author page [here](#).

Open research

As a university press and not-for-profit publisher, we are committed to the advancement of open research, exploring and innovating new models that will ensure sustainability and quality, while maximising the benefits that openness can offer.

Author Services

In order to continue to publish the best local, regional and international researchers, it is important that we support researchers preparing their research for publication in our journals. In order to help prospective authors to prepare for submission and to reach their publication goals, we offer a range of high-quality manuscript preparation services - including language editing and video abstract creation.

Director of the Publishing House of Yerevan State University is Dr. Karen Grigoryan.
Email: publishing@ysu.am

[YEREVAN STATE
UNIVERSITY]
PUBLISHING HOUSE